

Azərbaycan Respublikası
Mədəniyyət və Turizm Nazirliyi

Firudin bəy Köçərli adına
Respublika Uşaq Kitabxanası

Али Саммар
Амакириев

Приключения
Ибрагима

Москва
"Детская литература"
1974

Али Самтар
Амакишиев

Повесть-сказка
по мотивам
азербайджанского
фольклора

Приключения Ибрагима

Перевела О. Романченко

Рисунки П. Пономаренко

Атакишиев А.С.

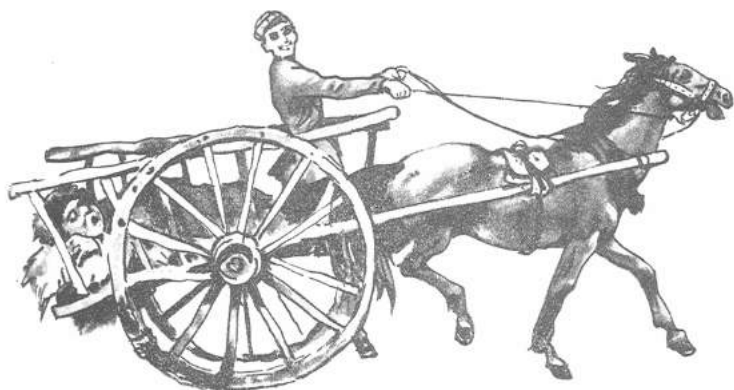
А 92 Приключения Ибрагима. Повесть-сказка по мотивам азербайджанского фольклора. Пер. О. Романченко. Переизд. Рис. П. Пономаренко. М., " Дет. лит.", 1974.

110 с. с ил.

Веселая сказочная повесть, которая знакомит с хорошим и немного лукавым парнем, которому довелось пережить небывалые приключения. Ибрагим повидал такое, чего и на свете не бывает. Но нельзя не поверить, что бывают такие вот похожие на него парни, которые умеют в трудную минуту победить зло и отстоять справедливость.

А 70802-285 336-74
М101(03)-74

С (Аз)2

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ,

случавшееся с Ибрагимом на базаре, где он приобрёл
неожиданного друга

Ранним летним утром, напевая весёлую песню, Ибрагим бодро шагал в сторону базара. Одних людей обгонял, другие его обгоняли, и чуть ли не с каждым он успевал обменяться словечком — таким уж общительным был этот крепкий восемнадцатилетний парень.

Вот он остановился, взгляделся в придорожный куст и метнул туда комком затвердевшей земли. Зашумела листва, из-за куста выскочил ошеломлённый заяц и, растопырив длинные уши, опрометью помчался прочь.

Ибрагим пронзительно свистнул вслед, заложив два пальца в рот, и расхохотался, когда заяц в одно мгновение скрылся из виду.

Впереди по дороге тащилась скрипучая арба. Предоставленная самой себе, лошадь плелась медленно и лениво, старик аробщик сладко спал на высоких козлах. Юноша догнал арбу, легко вспрыгнул на неё и осторожно взял вожжи из рук старика.

— Н-но, милая! — крикнул он, и лошадь, ощутив властную руку, ускорила шаг.

Качалась голова спящего аробщика, звенели бубенчики на шее лошади, цокали по камням копыта, будто вторя весёлой песне, которую опять затянул Ибрагим, и люди, шагавшие по дороге, оглядывались с улыбкой.

Неожиданно Ибрагим прервал песню, натянул вожжи. Спрыгнув на землю, он заботливо посадил на арбу женщину и мальчика, который бережно прижимал к груди, должно быть, недавно родившегося маленького козлёнка. Арба останавливалась ещё не раз. На неё взобрался парень с двумя большими корзинами винограда, потом пожилая женщина, потом старик с тяжёлым двойным мешком через плечо.

— Платите деньги за проезд — сам аробщик их не попросит! — весело объявил Ибрагим, и медяки со звоном посыпались в его смуглую ладонь.

Он давно уже из-за тесноты перебрался на самый передок телеги, но всё так же задорно распевал свою песенку. Парень с виноградом пристроил поудобнее на дне арбы свои корзины, достал из-за пояса тростниковую свирель, и полилась пронзительно звонкая мелодия в аккомпанемент

песне. Песню Ибрагима подхватили остальные пассажиры, и никто не замечал, что маленький козлёнок поднялся на своих слабых ножках, уткнулся мордочкой в корзину и стал поспешно объедать крупные прозрачные виноградины.

Весело бежала по широкой дороге лошадь, так же крепко спал старый аробщик, и голова его качалась во все стороны. Но вот арба с шумом въехала на базарную площадь и остановилась.

Ибрагим соскочил на землю, потряс аробщика за плечо:

— Дядя Абдулла, проснись, приехали!

Старик проснулся, поглядел вокруг непонимающими сонными глазами и, приложив к уху руку, закричал:

— А?.. Чего?

Так вот почему он мог спать всю дорогу под громкую песню пассажиров! Аробщик Абдулла был глухой.

— Чего? Зачем арбу на базар пригнал? — рассердился он и, увидев слезавших с арбы людей, замахнулся было кнутом на Ибрагима.

Тот ловко увернулся и протянул старику медяки, на пальцах объяснил, что это плата за проезд.

— Вот спасибо, сынок, — обрадовался аробщик.

Но Ибрагим уже спрыгнул с арбы, помахал старику рукой на прощанье и смешался с шумной толпой. Через минуту он бойко зазывал покупателей:

— Кому пряжу!.. Дешево отдаю!

— Сколько просишь, сынок? — Женщина в чадре тронула его за плечо.

— Дёшево, мать... С тебя возьму две монеты. Бери, не пожалеешь. Что угодно можно сделать из этой пряжи. — хоть одежду, хоть ковёр.

— Беру, — не торгуясь, сказала женщина.

— Отдаю, — в тон ей ответил Ибрагим, протянул женщине пряжу и получил свои монеты, а женщина одобрительно покачала головой: видно, ей понравился бойкий, языкастый парень.

Продав свой товар, Ибрагим заторопился к мясным рядам — надо было купить, наконец, бабушке мяса для плова. Он с трудом пробирался среди жаровен и огромных сковородок. Крикливые торговцы приглашали желающих отведать сочного шашлыка, каурмы, жареной рыбы. Воздух тут был пропитан такими аппетитными запахами, что даже у сытого человека потекли бы слюнки, не говоря уже о калеке-нищем: он униженно умолял торговца жареной рыбой дать ему хоть одну рыбёшку для его голодных детей.

— Убирайся отсюда! Если не можешь прокормить своих детей, ступай помирай вместе с ними! — заорал толстощёкий торговец, отгоняя нищего от большой сковороды, где с шипением подрумянивалась рыба.

Ибрагим, вместо того чтобы вступить за несчастного, тоже набросился на него с бранью:

— И не совестно тебе тревожить честного мусульманина? Говорят же, убирайся!

Мало того — Ибрагим даже подтолкнул нищего в спину. Торговца обрадовала неожиданная поддержка.

— Молодец, парень! — воскликнул он. — Гони прочь этих побирушек. Они бы и нас с тобой съели, дай только волю.

И, отвернувшись от своей сковородки, торговец опять начал зазывать покупателей:

— Кому жареной рыбы! А ну подходи, не робей. Дёшево и вкусно!

Торговец и не заметил, что Ибрагим, отгоняя упиравшегося нищего, быстро стянул со сковородки две больших рыбины и, незаметно для бедняги, сунул их в его пустую суму.

— Эх, сынок, сынок, — укорял тем временем несчастный калека. — Ты такой молодой, красивый, а сердце у тебя каменное. Побойся аллаха, ведь я тоже не всегда был нищим...

Ибрагим не дал ему договорить:

— Ладно, ладно, поменьше болтай, иди скорее отсюда!

Лишь смешавшись с толпой, изумлённый нищий обнаружил в своей тощей суме подарок, какого и ожидать не смел. Он поспешно заковылял домой, не переставая удивляться, что вот бывает же так: человек говорит злые, грубые слова, а в душе добр и щедр, будто сам аллах.

Совсем иные чувства вызвало это событие у торговца рыбой. Наконец ему удалось заманить покупателя, усадить к очагу с весёлыми прибаутками.

— Располагайся поудобнее, не робей, дружок! Отведай моей рыбы, ты каждый день будешь прибегать сюда. Рыба наилучшая — сама на сковородку прыгает прямо из Куры...

Он повернулся к своей сковородке и застыл в недоумении: две самые большие, поджаристые рыбины бесследно исчезли. Похоже, не из Куры они прыгнули на сковородку, а со сковородки обратно в Куру.

Не веря своим глазам, торговец стал искать среди плошек и мисок исчезнувшую будто по волшебству рыбу. Разворотил всю посуду, даже сунул голову в очаг, а сам думал, что вот случается же такое: доверишь чужому человеку своё добро, а он тебя одурачит, как шайтан.

Ибрагим только посмеивался, глядя издали на чёрное от копоти и сажи, искажённое злобой лицо жадного торговца.

Довольный, отправился он бродить по базару. Неожиданно путь ему преградила большая толпа, образовавшая плотный круг. Люди напряжённо следили, как в этом кругу под звуки зурны и барабана дерутся с ожесточением два пса. Расталкивая собравшихся, Ибрагим пробился вперёд. Он увидел, что большой чёрный пёс подмял под себя обессиленного белого и готов в ярости растерзать его в клочья. Белому удалось вырваться — поджав хвост, он с визгом пустился наутёк, пытался спрятаться в ногах у людей, но хозяин с бранью втащил его за длинный поводок обратно в круг.

Пёс-победитель рвался в бой, владелец едва удерживал его за ошейник. А сконфуженный хозяин белого пса втянул голову в плечи, будто под градом обрушившихся на него насмешек. Теперь он вымещал на несчастной собаке свою досаду.

— Бежать вздумал? — кричал он со злобой. — А ну вперёд!

Он ударил пса ногой, тот жалобно заскулил и заматался на поводке. Пёс признал своё поражение, только хозяин всё ещё не хотел и не мог признать.

Ибрагим решительно шагнул вперёд, загородил пса.

— Ну что ты бьёшь его? Видишь, он еле жив.

— Какое тебе дело? Пусть его растерзают, — в бешенстве возразил хозяин пса. — Кому он теперь нужен?

— Мне, — решительно сказал Ибрагим. — Я куплю его.

— Купишь? — Хозяин пса недоверчиво улыбнулся, в глазах его блеснул огонёк жадности. — А сколько дашь?

— Вот! — Ибрагим протянул монету, но хозяин пса успел заметить и вторую монету.

— Мало, — возразил он строго. — Чем такие деньги, лучше пусть народ бесплатно повеселится.

Он попытался снова потянуть пса за поводок, но люди расходились, потеряв интерес к жестокой забаве. Пёс жалобно заскулил, доверчиво прижимаясь к ногам Ибрагима.

— Мало, — упрямо повторил хозяин пса.

Ибрагим отдал ему вторую монету, взял в руки поводок и пошёл прочь с базара.

На дороге он остановился, пучком свежей травы обтёр псу раны.

— Ну, бедняга, ступай теперь на все четыре стороны, — сказал он ласково и потрепал пса по загривку.

Пёс, тихо повизгивая, побежал за ним. Ибрагим остановился, прикрикнул на пса, прогнал его. Поджав хвост, пёс нехотя отошёл в сторонку и остановился. Но едва Ибрагим сделал несколько шагов, как пёс опять затрусил следом.

Так и вошли они вместе во двор, окружавший маленькую старую глинобитную хижину. Фатма, бабушка Ибрагима, в это время давала корм старому козлу с клочковатой рыжей шерстью. Заслышав скрип калитки, она оглянулась, увидела внука, а у ног его — белого пса.

— Ибрагим, что же ты с пустой корзиной? — удивилась она. — Хоть бы купил что-нибудь на базаре. И откуда этот пёс?

Ибрагим виновато потупился и рассказал бабушке про свою неожиданную покупку.

— Все деньги истратил, — добавил он виновато.

— Доброе у тебя сердце, сынок, — ласково покачала головой старушка. — Это самое дорогое в человеке, дороже денег. Ну что ж, не унывай, как-нибудь перебьёмся до завтра.

Бабушка Фатма разожгла огонь в очаге, собрала со дна мешка остатки муки, чтобы испечь хоть лепёшку.

Всё с той же доброй улыбкой она села за своё веретено.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ,

которое едва не навлекло на Ибрагима
неприятности

На следующее утро Ибрагим по той же пыльной дороге снова шагал к базару. И снова в корзинке у него лежали мотки пряжи, которую бабушка успела напрядь за ночь.

На перекрёстке Ибрагим догнал односельчанина — старого Хосрова. Видно, старик уже не первый раз останавливался передохнуть, в надежде, что попутная арба заберёт его вместе с большим мешком яблок, лежавшим у обочины дороги.

— Доброе утро, дядюшка Хосров, — поздоровался Ибрагим.

— Доброго тебе здоровья, сынок.

— Видно, хороший у тебя в этом году урожай яблок, дядюшка Хосров.

— Слава аллаху, достаточно, чтобы прокормить внучат. Вон, погляди, какие румяные и душистые. Не яблоко — айва! Ну-ка попробуй. — И старик протянул Ибрагиму большое яблоко. — Только вот на базар возить не на чем: ни лошади, ни осла. Всю жизнь мечтаю скопить денег, купить какую-нибудь скотинку...

Ибрагим, вежливо поблагодарив, взял из рук старика яблоко, и вдруг оно мгновенно исчезло.

— Ой, где же твоё яблоко? — воскликнул юноша с притворным удивлением и начал обшаривать свои карманы.

Поражённый Хосров — он ещё никогда в жизни не видел фокусов — стоял с разинутым ртом.

— Эх, дядюшка Хосров, ну какой же ты рассеянный! Ты ведь сам спрятал яблоко под папаху.

Юноша ловко приподнял папаху старика, и с бритой головы дядюшки Хосрова, прикрытой белым платочком, скатилось большое румяное яблоко. Ибрагим с хохотом подхватил его. Захохотал и дядюшка Хосров: он ничего не понял, но не мог уронить своего стариковского достоинства, притворился, будто и сам участвует в забавной шутке.

В это время к ним приблизился человек, который с важным суровым видом вёл за уздечку осла, не навьюченного, но зато украшенного звонкими бубенчиками. Ибрагим шагнул ему навстречу с надкушенным яблоком в руке.

— Счастливого пути тебе, добрый человек. Не сможешь ли старику подвезти яблоки до базара?

— Что значит «поможешь»? Это даром, что ли? Да и вообще, мой осёл не для каждого встречного! — огрызнулся прохожий и важно прошествовал мимо.

Ибрагим подмигнул дядюшке Хосрову и пошёл вслед за ним...

Здрав нос, суровый хозяин осла степенно шагал по дороге. Прохожие останавливались, смеясь указывали пальцами, но он принимал ещё более важный вид. Он был, видно, не из тех людей, которых что-то может смутить или встревожить. А ему было от чего смутиться: ведь вместо осла он тянул теперь за уздечку Ибрагима, который,

надев на голову уздечку, со смешными ужимками шагал следом, позвякивая бубенчиками. Позади, лукаво ухмыляясь, шёл дядюшка Хосров, уже успевший погрузить на осла свой мешок с яблоками.

Случайное происшествие едва не испортило всё дело. На обочине дороги щипал траву другой осёл. Увидев самозванца в уздечке, он изумлённо наострил уши, а когда Ибрагим приблизился, с трубным рёвом грозно двинулся на него, явно намереваясь вступить в бой. Испуганный Ибрагим хотел отбросить уздечку и бежать, но важный хозяин, тянувший его за собой, сердитыми окриками и палкой отогнал воинственного осла, причём даже не оглянулся ни разу.

Лишь у самого базара хозяин осла обратил наконец внимание на выкрики и хохот зевак. Он недоуменно обернулся и с бранью кинулся отнимать осла у старика Хосрова. А озорник Ибрагим, скинув уздечку, скрылся в толпе.

— Кто купит пряжу!.. Кому пряжу! — через минуту зазвучал его голос.

— Эй, парень, сколько стоит твоя пряжа? — остановил Ибрагима какой-то мужчина.

— За полцены продам — два дирхема.

— Два дирхема — полцены? Её всюду по дирхему продают.

— Продают, да не такую, как у меня. Это особенная пряжа, самая крепкая и мягкая. Такую только моя бабушка умеет прясть. — Ибрагим деловито помял пряжу в руке. — Посмотри-ка сам...

Но покупатель не успел посмотреть.

— А ты, плут, налог уплатил? — раздался сзади ехидный голос, и незаметно подкравшийся дарга — сборщик подати — выхватил у Ибрагима пряжу.

— Какой налог? — удивился Ибрагим.

— Не прикидывайся овечкой, знаешь какой! За право торговать.

— Клочком шерсти? — возмутился Ибрагим. — А ну отдай! — И он попытался вырвать у дарги свою пряжу.

— Легче, легче, щенок! — с недоброй усмешкой прощедил дарга, не выпуская из цепких рук пряжу. — А ты куда; — окликнул он покупателя, пытавшегося улизнуть при его появлении. — Бери, не ошибёшься. Другой такой шерсти нет на всём базаре.

— Беру, беру, господин дарга, — подобострастно отозвался покупатель и, торопясь уйти поскорее от всесильного дарги, протянул Ибрагиму два дирхема.

— Куда? — крикнул дарга, точно преграждая дорогу монетам. — Нет, голубчик, одна монета ему, а вторая пойдёт в казну. На постройку дворца визиря. Понял? — настаивательно обратился дарга к Ибрагиму, опуская второй дирхем в свой бездонный карман.

— Верни мой дирхем! — Ибрагим сердито схватил даргу за руку. — Как ты смеешь...

— Я всё смею, а ты проваливай! — Толстый дарга дал юноше подзатыльник, дёрнул за уздечку своего осла в богато украшенной сбруе и, переваливаясь с ноги на ногу, важно засеменял дальше.

Люди почтительно и опасливо расступались перед ним. Ибрагим, полный возмущения, ринулся было за даргой, но ему преградил путь рослый стражник:

— Ты куда?

— Он спешит на постройку дворца, — ехидно бросил через плечо удалявшийся дарга.

— Проводи его.

— Будет исполнено! — И верзила-стражник, крепко ухватив Ибрагима за руку, потащил его через толпу, покрикивая: — А ну расступись... Вора поймали... Дай дорогу, жулика ведут!

Там, куда верзила тащил Ибрагима, уже стояли задержанные раньше люди под охраной других стражников.

Но в это время путь верзиле-стражнику преградил караван верблюдов, медленно продвигавшихся по тесному базару. Спасительная мысль мелькнула в голове Ибрагима: он изо всех сил наступил верзиле на ногу, выдержнул свою руку и ловко шмыгнул под брюхо верблюда.

Стражник взвыл от боли и, подпрыгивая на одной ноге, пытался последовать примеру Ибрагима, но его громадное неуклюжее туловище застряло у верблюда между ног. Умное животное, как это обычно бывает, задержало ногу в воздухе, чтобы дать человеку возможность выбраться.

Однако стражник, видимо, попытался чуточку выпрямиться, и остриё шлема вонзилось верблюду в брюхо. Верблюд подпрыгнул и сбросил стражника в гущу хохочущих зевак.

А Ибрагим уже шагал мимо цирюльников, которые тут, на базаре, были мастерами на все руки: брили, ставили пиявки, пускали кровь. Ибрагим заметил, что один из цирюльников посадил крестьянина на низкий пень и клещами рвёт ему зуб. Несчастный крестьянин, ухватившись

за клещи, пытается отвести руку цирюльника, но цирюльник поднимает клещи всё выше и тянет, тянет немилосердно. От боли крестьянин поднимается вслед за клещами и вот уже стоит на ногах. Тогда цирюльник начинает тянуть клещи вниз. Крестьянин сначала сгибается, а потом опускается на колени. Цирюльник обрушивается на него с потоком брани, но клещей не выпускает.

Не выдержал Ибрагим, вышел из толпы, прикрикнул на цирюльника:

— Что ты делаешь, изверг? Разве так рвут зубы?

— А как прикажешь рвать, если зуб здоровенный, будто у лошади? Ибрагим не ответил и обратился к крестьянину, стонавшему от боли:

— Дядя, разреши, я тебе так вырву зуб, что ты и не почувствуешь.

Не дожидаясь согласия, он заботливо усадил крестьянина на пень. Цирюльник, чувствовавший себя задетым, презрительно протянул юноше клещи.

— Оставь их себе, — сказал Ибрагим. — Этими клещами следовало бы вырвать твой бранчивый язык. Лучше дай мне кусочек крепкой суровой нитки, только потоньше.

Цирюльник порывлся в своём ящичке и нашёл нитку.

Ибрагим проверил нитку на прочность, потом привязал её одним концом к больному зубу, другим — к большому пальцу на босой ноге крестьянина. Тот, забыв о боли, с удивлением следил за этими таинственными действиями.

— Сейчас, дядя, сейчас. Ещё немного — и ты избавишься от больного зуба. Даже не почувствуешь, — с улыб-

кой подбадривал Ибрагим крестьянина. — Только сиди спокойно, не шевелись.

Ибрагим огляделся вокруг и заметил мальчугана, игравшего с туго надутым бычьим пузырём. Пальцем Ибрагим поманил к себе мальчишку, поставил его у самого уха удивлённо моргавшего крестьянина и вдруг с силой обеими руками сдавил надутый пузырь. Оглушительный треск лопнувшего пузыря заставил крестьянина подскокить с места, будто подброшенного неведомой силой. Ибрагим спокойно указал ему на зуб, который валялся на земле, привязанный к концу бечёвки.

— Прощай, дядя. Не забудь — купи малышу новый пузырь, — с этими словами Ибрагим потрепал по щеке ревевшего мальчишку, у которого от этих слов слёзы сразу высохли.

Ибрагим вовремя ушёл от людей, восхищавшихся такой находчивостью: его острые глаза заметили, как за их спинами появилась нескладная фигура верзилы-стражника.

Проходя мимо ашханы, чайной, Ибрагим заметил привязанного у входа осла дарги, украшенного роскошной сбруей. Осёл жадно объедал вывешенные здесь же для продажи веники. А заглянув в окно ашханы, Ибрагим увидел и самого даргу, с не меньшей жадностью пожиравшего из большой миски плов.

Хозяин веников, бедный крестьянин, робко пытался отогнать упрямого осла от своего товара, но тут на него обрушилась плеть верзилы стражника.

— Ах ты дрянь этакая! — заорал стражник и снова занёс плеть. — Не видишь, что ли, чей это осёл? Ослеп?

Ропот негодования был ему ответом, однако никто не решился открыто вступить за крестьянина. Но тут из-за корзин и мешков с яблоками появилась голова Ибрагима. Он осторожно поглядел по сторонам и тихо попросил продавца яиц:

— Дядя, умоляю, подари мне одно яйцо.

Продавец, смекнувший, в чём дело, с готовностью протянул ему яйцо. В следующее мгновение яйцо, пущенное меткой рукой юноши, угодило прямо в лоб стражнику, густой жижей залепило ему глаза. Ибрагим радостно повернулся к продавцу яиц и увидел, что тот уже держит наготове всю корзину.

— Бери, сынок, бери, сколько душе угодно, для такого дела не жалко, — весело приговаривал он.

Взбешённый стражник, изрыгая проклятия, пытался протереть глаза. Бац! — Ибрагим влепил ему прямо в открытый рот второе яйцо. Стражник сумел наконец продрать веки и заметил хохочущего Ибрагима. Опрокидывая на своём пути мешки и корзины, он ринулся догонять юношу, который скрылся за сомкнувшимися спинами торговцев. Стражник прыгнул в толпу и угодил прямо в корзину с яйцами. К величайшему ужасу торговца, товар его мгновенно превратился в огромную яичницу.

Продавец веников, ощупывая багровый рубец на скуле — след от плётки, — беспомощно смотрел на упрямого осла, уничтожавшего его товар. Внезапно из-под ближайшей арбы вылез Ибрагим и положил крестьянину руку на плечо. Тот вздрогнул от неожиданности.

— Тс-с... — произнёс Ибрагим, прижав палец к губам. Он оторвал от веника, сделанного из веток колючего ку-

старника, небольшой пучок, заговорщически подмигнул торговцу и сунул колючки под попону ослу. Перепуганный продавец веников едва успел вместе с Ибрагимом спрятаться под арбу, как из ашханы вышел дарга. Он обсасывал жирные после плова пальцы, в чёрной его бороде белели застрявшие рисинки. Ашханщик, угодливо изгибаясь, провожал грозного гостя.

— Неважный у тебя плов, нечестно кормишь народ, — с напускной суровостью говорил дарга. — Смотри, визирь узнает — шкуру с тебя сдерёт.

Испуганный ашханщик смотрел на даргу заискивающими глазками.

— Не губи, господин дарга, пощади, — пролепетал он.

— Ладно уж, не дрожи, я — человек сговорчивый, — успокоил его дарга и выразительно пошевелил за спиной повёрнутой вверх ладонью.

Ашханщик торопливо сунул ему в руку приготовленные заранее монеты.

— Шучу я, шучу, — уже с добродушной улыбкой продолжал дарга. — А у тебя сразу душа в пятки? Труслив, что твой заяц! — И, остановив входившего в ашхану посетителя, дарга бросил небрежно: — Знаешь, отличный тут сегодня плов. Советую попробовать.

Потом дарга с трудом оттащил осла от обглоданных наполовину веников, навалился ему на спину толстым брюхом и, кряхтя, вскарабкался на него при помощи подоспевшего стражника. Расплывшийся в угодливой улыбке рот стражника всё ещё был перепачкан яичным желтком, и дарга спросил удивлённо:

—Как это ты умудрился, хитрец, не входя в ашхану, съесть яичницу?

Замявшийся было стражник так и не успел ничего ответить. Под тяжестью тучного дарги колючки впились ослу в спину, осёл подбросил задние ноги и стал брыкаться, норовя сбросить колючую тяжесть; испуганный дарга с громким воплем обхватил осла за шею. Мгновенно сбежалась толпа. Вопли дарги, крики, хохот и улюлюканье зевак ещё больше напугали осла. Стражник попытался ухватить животное за хвост, но здоровенный осёл дарги, ростом с доброго мула, так лягнул верзилу, что тот, перевернувшись в воздухе, распластался на земле. Осёл же, проделав ещё не-

сколько прыжков, сбросил кричавшего не своим голосом даргу. Люди вокруг прятали усмешки: корыстолюбивый дарга давно заслужил всеобщую ненависть.

А наказавший даргу Ибрагим шагал уже по мясному ряду, где по обеим сторонам висели бараньи и говяжьи туши. Мясники тут же свеживали новые туши, одновременно не забывая зазывать покупателей.

У одной лавки Ибрагим услышал жалобное мяуканье и заметил, что толстый мясник держит за шею извивающегося белого кота и сильно бьёт его точильным бруском.

— Будешь таскать мясо? Будешь таскать? — приговаривал мясник с каждым ударом. Ибрагим схватил мясника за руку, отнял кота.

— Э-э, так учить не годится! Кормить надо, тогда и не будет таскать.

— Это мой кот. Хочу кормлю, хочу бью, не твоё дело! — огрызнулся мясник. — Давай сюда.

Он попытался отобрать у Ибрагима кота. Но Ибрагим отступил назад, и мясник не смог до него дотянуться.

— А тебя, толстяк бессовестный, кто поучит, чтоб не обкрадывал покупателей? — Ибрагим протянул руку и ловко перевернул ту чашу больших висячих весов, на которой не было гирь: сюда мясник обычно кладёт свой товар. Ко дну чаши был припаян кусок железа.

— Тс-с... Тише, ради аллаха! — взмолился мясник и покосился на покупателей, которые выбирали мясо. — Ну скажи мне, где и когда ты видел тощего мясника? Только не надо, чтоб люди знали... А моего Местана, если понравился, можешь взять себе. Дарю.

— Нет, подарков твоих мне не нужно. Вот тебе дирхем, я покупаю кота.

— О-о, Местан редкий кот, ни одной мыши в доме не будет! — весело затараторил мясник, забирая дирхем. Он изо всех сил старался теперь показать, как дружелюбно они расстанутся с Ибрагимом, рассеять неблагоприятное для него впечатление, которое могло сложиться у покупателей, слышавших слова юноши.

Ибрагим отошёл с котом в руках. Вслед за ним ушли и покупатели.

— Куда же вы, добрые люди? У меня вы купите отличное мясо!.. — жалобно крикнул мясник.

Когда Ибрагим с котом в руках оказался за пределами базара, он опустил кота на землю, погладил ласково и зашагал домой. Но кот, мяукая, побежал следом за ним. Ибрагим остановился — остановился и кот. Ибрагим ускорил шаги — кот большими прыжками нагнал его.

Полуденное солнце ярко освещало чисто подметённый двор вокруг старой глинобитной хижины, когда Ибрагим скрипнул калиткой. С минарета мечети, поднимавшегося из-за деревьев, высокий голос муэдзина призывал правоверных к молитве. Бабушка Фатма, расстелив на широком краю вырытого во дворе водоёма потёртый коврик, обратила лицо своё к востоку и зашептала слова благодарности аллаху за все маленькие радости, какие были в её жизни и какие она себе желала. Вот старушка последний раз поклонилась, подняла голову от коврика, и глаза её увидели внука с тяжёлой корзиной в руках.

Прочитав радость в глазах бабушки, Ибрагим остановился и виновато потупился. Последний раз воздев к небу руки, бабушка произнесла:

— Велик аллах! — потом тщательно сложила молитвенный коврик и направилась к внуку.

— Что купил, сынок? Баранину? Говядину? А лук не забыл? — С этими словами бабушка взяла из рук внука корзину, но едва она раскрыла её, как оттуда высунулась голова кота.

«Мяу», — робко мяукнул кот, будто просил новую хозяйку не сердиться на него. В ответ на робкое мяуканье из глубины двора послышался воинственный лай. Старушка чуть было не выронила корзину от удивления.

— О аллах, ты ещё одного нахлебника притащил! Скоро из-за них нам самим придётся уйти из дома куда глаза глядят.

В порыве гнева бабушка бросилась на внука. Ибрагим увернулся, но клочок его ветхой рубахи остался в руках у бабушки.

— Только этого не хватало! Единственную рубаху изорвал!.. — воскликнула бабушка и, воздев руки к небу, попросила в сердцах: — О аллах, когда ты избавишь меня от этого мучителя?

Не успела она договорить, как Ибрагим, удиравший в сторону хижины, споткнулся и упал.

— Ой, ногу больно! Ой, моя нога! — не выпуская из рук кота, завопил он.

— Какая нога? Что с тобой, дитя моё?.. О аллах, что я наделала, отсохни мой язык! — причитала бабушка и бросилась обнимать внука. Глаза её засветились добротой.

Ибрагим приоткрыл один глаз, потом другой и весело подмигнул бабушке.

— Ах ты, озорник! — сквозь слёзы проговорила старушка. — Ну рассказывай, где ты достал такого хорошего кота?

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ,

с которого начинаются таинственные события,
изменившие всю жизнь Ибрагима

Ибрагим крепко спал на циновке в своей маленькой хижине, а бабушка Фатьма всю ночь при свете луны пряла шерсть. Вот со двора донеслось утреннее пение петуха. Бабушка Фатьма разбудила внука, проводила его до калитки и строго-настрого наказала ему:

— Сынок мой, Ибрагим, уж в третий раз не возвращайся с пустой корзиной! Будь разумнее...

И действительно, Ибрагим на этот раз без всяких приключений продал свой товар, купил всё, что было нужно. Бабушка Фатьма развела в очаге огонь, приготовила еду, и они уселись завтракать во дворе, под раскидистым тутовым деревом.

Всё было бы мирно и хорошо, но бабушка заметила, что Ибрагим то и дело бросает куски лепёшки псу или коту. А те после каждого куска становятся смелее, подходят всё ближе и ждут нового куска.

— Будто мы сами так сыты, что можем прокормить ещё этих ненасытных, — с укором сказала бабушка. — Вот что, внучек, может, они хоть для охоты сгодятся. Пойди-ка ты сходи с ними в лес — кто знает, вдруг удастся поймать тебе лису или зайца...

Послушался Ибрагим бабушку.

Сразу после завтрака посадил он кота на плечо, взял пса и отправился в лес...

Вот уже и полдень. Устало брёл Ибрагим между деревьями, потеряв всякую надежду напасть на след зверя. Лес вокруг становился с каждым шагом диковиннее. Среди огромных деревьев поднимались скалы такой причудливой формы, будто их кто-то нарочно вырубил. Всюду рос густой кустарник, и ветки его сердито цеплялись за одежду своими острыми колючками.

Продвигаться вперёд было всё труднее, но Ибрагим упрямо уходил дальше и дальше в лес.

Вдруг где-то близко раздался оглушительный рёв и визг, даже стволы высоких деревьев зашатались. Ибрагим остановился, прислушался. Рёв и визг повторились.

Подозвав к себе пса, Ибрагим двинулся в ту сторону, откуда неслись непонятные звуки. С трудом пробрался через кустарник, выбрался на опушку и застыл в изумлении: на зелёной поляне, у входа в скалистую пещеру, отчаянно дрались три исполинских чудища. Ибрагим понял, что вышел к жилищу дивов, про которых слышал раньше лишь в сказках бабушки Фатьмы. Самый большой из дивов

был чёрный, средний — белый, а третий, поменьше, — пятнистый. Тела дивов, покрытые густой шерстью, у бёдер были обёрнуты не то тигровыми, не то леопардовыми шкурами. Огромные, как у слона, уши опускались на плечи. Длинные когти на ногах вонзались в землю, точно грабли.

Дивы не замечали Ибрагима и продолжали драться, нанося друг другу удары крепкими рогами. Они взвизгивали от боли, расходились, потом снова ещё яростнее насккивали друг на друга. Воздух сотрясался от оглушительного рёва и визга.

Испуганный Ибрагим шарахнулся обратно в кусты. Кот взлетел с фырканием на ближайшее дерево, и только

пёс залаял громко и угрожающе. Услышали дивы лай собаки, обернулись и увидели Ибрагима. Чёрный див в два прыжка догнал его, схватил огромной волосатой лапой, поднял и с любопытством принялся его разглядывать.

— Не бойся, о сын Адама! — проревел он густым басом. — Если сумеешь разрешить наш спор, мы тебя не тронем. Но если нет — призывай свою мать, несчастный, пусть читает по тебе прощальную молитву.

Смех дивов прогрохотал над лесом, как гром.

— Сначала поставь меня на землю, — пролепетал Ибрагим, полуживой от страха.

— Это можно. Всё равно ты никуда не убежишь от нас. Встав на ноги, Ибрагим сразу стал увереннее.

— Так из-за чего вы спорите? — спросил он, закинув назад голову, чтобы видеть дивов: ведь он едва доходил им до колен.

— Нас три брата, — ответил чёрный див. — А в наследство от отца нам остались две вещи: папаха и свирель. Кто наденет папаху, станет невидимкой. А кто заиграет на свирели, будет властелином над всеми окружающими. Мы никак не можем поделить эти две вещи на троих.

Выслушав дивов, Ибрагим смекнул, что грозные на вид великаны очень наивны. И, чтобы спастись, он стал думать, как бы перехитрить их.

— О братцы-дивы! — радостно воскликнул он через мгновение. — Это же проще простого. Стоит ли из-за такого пустяка так немилосердно колотить друг друга?

— Что? Очень просто? И ты знаешь, как это сделать?

— Разве есть на свете такое, чего бы я не знал? — хвастливо заявил совсем осмелевший Ибрагим. — Где эти вещи? Давайте-ка их сюда. Положите вот здесь, возле меня... — Ибрагим быстро огляделся и продолжал: — Сейчас я столкну вниз вон тот круглый камень, а вы бегите за ним. Кто принесёт его первым, получит папаху. Кто прибежит вторым, тому достанется свирель, а третий... ничего не поделаешь, пусть пеняет на судьбу.

— Да, да! — с радостью согласились дивы и вынесли из пещеры самую обыкновенную на вид папаху из овчины и тростниковую свирель.

Все три дива обеими руками держались за шапку и свирель: так мало они доверяли друг другу. Они нагнулись, опустили папаху и свирель на землю у ног Ибрагима.

— В самом деле, проще простого, — пробормотал чёрный див, почёсывая затылок.

— Эх, как это нам самим в голову не пришло? — в досаде хлопнул себя по лбу белый див.

— Стойте здесь и ждите моей команды, — сказал Ибрагим и направился к камню.

— Ничего, кто придёт третьим — тоже в обиде не останется: ему отдадим этого глупого сына Адама, — донёсся до Ибрагима шёпот младшего дива.

Не подав виду, будто он что-то слышал, Ибрагим пошёл к камню, попытался подтолкнуть его к краю холма, но не смог даже с места сдвинуть. Дивы злорадно захихикали. Ибрагим схватил большой кол, лежавший поблизости, сунул его под камень и, всей тяжестью надавив на другой конец, подогнал камень к самому склону.

Изумлённые дивы только рты разинули.

Ибрагим столкнул камень с холма и пронзительно свистнул. Дивы с рёвом сорвались с места. Старший мчался за камнем гигантскими прыжками, средний катился, свернувшись клубком, а младший весело скользил по гладкому склону сидя.

Ибрагим подхватил свирель и папаху, снял с дерева кота и бросился бежать. Пёс не отставал от него.

Вскоре Ибрагим услышал позади топот и рёв. Он понял, что дивы преследуют его. Протянулась над деревьями огромная рука чёрного дива и заслонила небо...

Но див ухватился лишь за колючий кустарник. Ибрагима нигде не было. Дивы метнулись в одну сторону, в другую и остановились в растерянности. Недогадливые чудовища никак не могли понять, что же такое произошло. Взревев, они бросились дальше в лес, ломая кусты и деревья...

А Ибрагим в папаче-невидимке осторожно пробирался между кустов, пока не убедился, что преследователи побежали в другую сторону. Тогда он снял папаху и подзвал пса, тот с радостным лаем стал прыгать вокруг своего хозяина.

После долгих блужданий по лесу Ибрагим с котом и собакой выбрались на поле, по которому устало брёл за двумя быками одинокий пахарь.

— Салам алейкум, дядя! Хорошего тебе урожая, — поздоровался Ибрагим.

— Алейкум салам, сынок. Спасибо, — приветливо отозвался пахарь.

Он заметил, что юноша еле держится на ногах от усталости, что одежда на нём изодрана, и сказал:

— Присядь, отдохни, сынок. Да и я отдохну немного. Пахарь привёл Ибрагима под тенистый навес из сухого камыша, покачал головой, заметив, что белый кот с жалобным мяуканьем трётся о его чарыки¹.

— Голодный небось? — спросил он ласково.

— У этих животных с утра крошки во рту не было. Да и я, признаться, голоден не меньше, — смущённо сказал Ибрагим.

— Сейчас, сынок, сейчас, — засуетился пахарь. — Я живу недалеко, вон в той деревне... — Он указал рукой на несколько крестьянских домишек, разбросанных у подножия холма. — Сейчас всего раздобудем, ты только за быками присмотри...

Уныло сидел Ибрагим под навесом и потирал усталые пораненные ноги в ожидании пахаря.

«А почему бы мне не помочь хозяину? — вдруг подумал он. — Ведь я оторвал его от дела».

И, засучив рукава, Ибрагим поднял брошенную пахарем хворостину, схватился за рукоять сохи...

— Гей, гей! — прикрикнул он на быков и огрел их хвостом.

Быки испугались незнакомого голоса и быстро побежали по полю. Тщётно пытался Ибрагим остановить их. Пробежав вспаханный участок, быки двинулись по невыкорчёванным пням. Ибрагим изо всех сил налегал на соху, пытаясь остановить их. Сошник врезался глубоко в землю, зацепился за что-то, и быки стали. Ибрагим нагнулся и увидел, что сошник попал в железное кольцо, торчавшее

¹ Чарыки — кожаная обувь на мягкой подошве

из земли. Он стал расчищать землю вокруг кольца и вскоре заметил большую каменную плиту. Высвободив сошник, Ибрагим потянул за кольцо, и плита стала медленно поворачиваться...

Открылись крутые каменные ступени, которые вели вниз, в подземелье.

— Ибрагим, не входи! Ибрагим, вернись! — раздались вдруг глухие голоса из подземелья.

Но колебался Ибрагим лишь мгновение. В следующую секунду он уже спускался вниз по ступеням. Спустился и... застыл как вкопанный. Глазам его открылось такое, что едва ли может увидеть человек, а если и увидит, то лишь во сне либо в бреду.

Думая, что это всего лишь мираж, Ибрагим прикрыл глаза ладонью, но когда вновь открыл их — подземелье засверкало ещё более яркими красками. Тут хранились несметные сокровища. В неплотно прикрытых сундуках, в сосудах самой разной формы сверкали золотые изделия, жемчуг, алмазы, рубины. Их лучи освещали сырые стены и низкие своды.

На полу возвышался целый холмик из золотых монет. Разные монеты с

изображениями древних фараонов и иудейских царей перемешались с монетами вавилонских владык и древних иранских шахиншахов. На вершине этого сверкающего холмика Ибрагим заметил огромный золотой перстень, излучавший фосфорический свет. Рука зачарованного Ибрагима невольно потянулась к прекрасному перстню, но тут с холмика, шипя и покачиваясь, поднялся чёрный змей. Ибрагим мгновенно отдернул руку. Он понял, что фосфорический свет излучали глаза змея.

— Эй, Ибрагим, — заговорил змей человеческим голосом, — у ног твоих лежат скрытые от всех людей сокровища падишаха Сулеймана ибн Давуда. Три тысячи лет охраняю я их, приворожённый чарами самого Сулеймана, в наказание за то, что я, змеиный падишах, мудрый Шахмар, отказался признать превосходство его мудрости над моей. И знай, что каждого, кто осмеливается проникнуть сюда, ожидает смерть.

Змей слегка повёл головой, и только тут Ибрагим заметил белевшие среди сокровищ человеческие черепа и кости. А змей с шипением начал медленно подползать к застывшему Ибрагиму. Юноша не мог шевельнуться, лоб его покрылся холодным потом, глаза расширились от ужаса.

Змей подползал всё ближе, ближе... Тонкое раздвоенное жало нацелилось неумолимо...

И вдруг, откуда ни возьмись, прямо на змея стремительно прыгнул кот Местан, ухватил его зубами за шею, ударил по голове лапой. Змей мгновенно свернулся, охватил кота своими стальными кольцами. Кот урчал, пытался вывернуться, его острые зубы всё крепче вонзались в шею

змея. Шерсть у кота оцетинилась, хвост яростно бился, расшвыривая по подземелью золотые монеты. Наконец тиски змея ослабли, глаза помутнели. Кот разжал зубы, и бездыханный змей скользнул на пол длинной чёрно-белой лентой.

Ибрагим, очнувшись от оцепенения, обнял храброго кота. Потом, не удержавшись, взял перстень, надел на палец и вытянул руку, чтобы полюбоваться красотой драгоценной вещи. И вдруг перстень стал излучать свет. На стенах и сводах подземелья, влажных от сырости, ещё ярче заиграли отблески золота и драгоценных камней. Раздался свист и вой, и трудно было сразу понять, что вокруг него с небывалой скоростью кружится неведомое существо. В следующую минуту перед Ибрагимом предстал маленький свирепый человечек с злыми сверлящими глазками, весь обросший чёрной шерстью.

Ибрагим невольно вскрикнул.

— Я — могущественный Ифрит, — сказал человечек. — Нет никого сильнее меня, лишь ты можешь приказывать мне, ибо на руке твоей я вижу перстень падишаха Сулеймана. Но будь осторожен с перстнем, о Ибрагим! Берегись, не оброни его в море, бесследно поглотившее немало сокровищ. В перстне этом — моя душа. Итак, приказывай, отныне я твой раб. — И человечек, скрестив руки на груди, низко поклонился Ибрагиму, который смотрел на маленькое чудище со страхом и изумлением.

— Хорошо, ступай. Будет нужно — позову, — сказал Ибрагим, стараясь ничем не выдать своего изумления и страха. Он снял перстень с пальца и убрал в карман.

— Слушаю и повинуюсь, господин мой. — Ифрит с воем и свистом завертелся вокруг Ибрагима и исчез.

Ибрагим с восторгом начал разглядывать сокровища. Внимание его привлёк маленький портрет в золотой рамке, богато украшенной нежным розовым жемчугом. Он взял портрет, поднёс его к свету, падающему из входа в подземелье, и рукавом вытер с него пыль.

Живые сияющие глаза улыбаясь смотрели на Ибрагима с портрета. Это была совсем молоденькая девушка. Она слегка приоткрыла губы, едва уловимо улыбалась, будто хотела спросить о чём-то, но не могла решиться...

Ибрагим смотрел на девушку как заворожённый, не в силах оторваться. Трудно сказать, сколько бы он ещё простоял так, не донесись до него сверху тревожный лай пса. Ибрагим торопливо спрятал портрет в карман, прихватил горсть золотых монет и взбежал вверх по каменным ступеням. Закрывать каменной плитой вход, присыпать её землёй было для него делом нетрудным. Запомнив, какие вокруг невыкорчеванные пни, Ибрагим повёл быков на прежнее место.

Тем временем воротился гостеприимный пахарь, принёс Ибрагиму крестьянский чурек, сыр и кувшинчик простокваши. Ибрагим накрошил в простоквашу чуречка, поел сам, накормил кота и пса, поблагодарил пахаря и, уходя, протянул ему самую большую из золотых монет.

Ибрагим был уже далеко, а удивлённый пахарь всё не мог оторвать глаз от своей мозолистой, натруженной ладони, на которой лежала старинная тяжёлая монета...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ.

короткое, но очень напугавшее бабушку Фатьму

Весь этот долгий-предолгий день бабушка Фатьма потратила на то, чтобы занять у кого-нибудь из соседей немного еды. Но не удалось ей раздобыть ничего. В одних домах она видела, что у хозяев и у самих-то ничего нет, но там её хоть радушно встречали, вместе горевали — беда, но помочь ничем не могли. А там, где у хозяев всего было вдоволь, приход бабушки Фатьмы вызывал недовольство. Бедняки стыдились своей нужды, скупцы старались выставить её напоказ. Бабушке Фатьме было жаль и тех и других. В каждом доме видела она детей, но одни смотрели на неё доверчиво, а другие отворачивались, прятали глаза, стыдясь родительской лжи. И этих детей бабушка Фатьма жалела больше всего.

Только под вечер, усталая, с лицом, прикрытым тёмной чадрой, бабушка подошла к своей хижине, толкнула калитку и... застыла в изумлении. Внук её расположился под тутовым деревом на траве, а перед ним прямо на земле была расстелена красивая новая скатерть. У бабушки Фатьмы глаза разбежались: она увидела и золотистые куски зажаренного мяса и курицы, круглые сыры и румяные чуреки. Над мангалом, полным углей, шипел шашлык. Приготовивший этот праздничный ужин Ибрагим

иногда бросал куски мяса псу или коту, те на лету ловили их и проглатывали, не разжёвывая.

Бабушка Фатма зажмурилась, протёрла глаза, снова от крыла... Всё осталось на местах, только теперь Ибрагим широко улыбался, и губы его лоснились от жира — так вкусно и сытно успел он поесть, пока готовил ужин.

— Ну что ты так смотришь? — сказал Ибрагим, спокойно переворачивая шампуры на мангале. — Садись скорее. Сколько хочешь, столько и ешь, — добавил он; его таки распирало от гордости.

Он не выдержал важного тона, вскочил, усадил онемевшую от удивления бабушку прямо на траву и закричал в восторге: — Мы больше никогда не будем бедными! Слышишь, бабушка? Никогда, никогда! И ты никогда больше не будешь длинными ночами сидеть и прясть шерсть.

— Ничего не понимаю. Откуда это всё? Расскажи ты мне скорее, ради аллаха!

— Верно говорит половица: набедовались досыта, да и хватит. Это ещё не всё, бабушка. Скоро на моей свадьбе будешь танцевать. Вот так.

И юноша запел весёлую песню, прошёлся перед бабушкой Фатьмой в задорном танце.

— Никак, ты совсем разум потерял! — рассердилась бабушка. — Только свадьбы нам не хватает. Сейчас же отвечай, откуда ты это всё взял?

— Бабушка, скажи, где мне искать самую красивую девушку на свете? — вместо ответа спросил Ибрагим, уселся против бабушки и приготовился внимательно слушать.

— На что она тебе?

— Как это на что? Посватаюсь к ней, и устроим такую свадьбу, что вся округа об этом заговорит! Ведь мне скоро девятнадцать лет!

— Дружок, если ты в самом деле задумал жениться, доверь это дело мне. Завтра же надену чадру, обойду все дома и отыщу для тебя невесту разумную, послушную, трудолюбивую. Будет и мне на старости лет помощница.

— Э-э, нет! — поморщился Ибрагим. — Мне нужна не такая невеста...

— А какая же?

— Вот какая!

Ибрагим бережно достал из кармана портрет девушки, найденный в подземелье. Старуха взяла из рук внука портрет, стала внимательно его рассматривать, но тут же вскочила с места, воскликнула в ужасе:.

— О аллах, сохрани моё дитя! Где ты взял это? Настоящее золото... жемчуг! Что ты натворил? Ты встал на дурной путь? Сознаться!..

— Ну что ты, бабушка! Как ты могла обо мне такое подумать! — Ибрагим взял бабушку за руку и снова заботливо усадил на место. — Сам аллах послал мне этот портрет, слышишь, бабушка? Только на такой я и женюсь.

— Ты обезумел, несчастный! Спишь на голой циновке, а мечтаешь жениться на прекраснейшей из девушек. Постыдился бы заплат на своих штанах!..

— Всё у нас будет, бабушка, всё будет! Но ты же мудрая. Научи, в какой стороне искать такую красавицу?

— Вот пристал! Откуда мне знать? Люди говорят, красивее всех дочь нашего падишаха.

— А как её имя?

— Нурджахан ханым.

— Вот на ней я и женюсь. Если она самая красивая!

— Что? — Бедная старушка даже подскочила на месте.

— Аллах великий, за что ты караешь меня? Он потерял рассудок! Ибрагим, подумай, о чём ты говоришь!

— А что я такое сказал? Ты сама твердила, будто я самый красивый из парней. Так почему бы мне и не жениться на красивой падишахской дочери?

— Тише, тише, не кричи, ради аллаха. Кто-нибудь услышит — и мы погибли! — Старушка торопливо огляделась по сторонам, понизила голос. — Все знают, что в принцессу влюблён всесильный визирь и держит её во дворце как пленницу, глаз не спускает... Её слабый, безвольный отец, старый падишах, ничего не может поделать.

— Э-э, тогда я должен помочь бедняжке. Клянусь, я вырву её из лап этого визиря — у меня у самого есть с ним кое-какие счёты — и доставлю сюда!

— В эту лачугу?

— Зачем в лачугу? Разве подобает дочери падишаха жить как бедной крестьянке? О нет, бабушка! — С этими словами Ибрагим надел на палец заветное кольцо.

Заструился ослепительный свет, и через мгновение с воем и свистом перед юношей предстал Ифрит. Бабушка Фатьма вскрикнула и упала без чувств.

— Я здесь. Что прикажешь, мой господин? — спросил Ифрит.

— Именем Сулеймана повелеваю: к утру построй мне такой дворец, чтобы один кирпич отливал золотом, а другой — серебром, — приказал Ибрагим и бросился на помощь бабушке.

— Слушаю и повинуюсь! — И маленькое чёрное существо снова закрутилось в воздухе, как движущийся столб песка в пустыне.

Кто знает, может быть, в каждом таком песчаном столбе скрывается таинственное, неведомое людям существо, которое мчится с воем и визгом по пустыне?

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЯТОЕ,

из которого читатель сможет узнать, как Ибрагим отправился на поиски своей невесты

Оранжевый диск солнца величаво плавал в безбрежной чаше неба, но в маленькой глинобитной хижине всё ещё было темно.

«Странно, утро не наступило, а я, кажется, совсем выспалась», — сказала про себя бабушка Фатьма и принялась трясти за плечо спавшего на циновке внука:

— Ибрагим, как ты думаешь, отчего на дворе такая тень?

Ибрагим потянулся, зевнул, открыл глаза и, припомнив что-то, мгновенно выскочил из двери. Он так и замер, привалившись плечом к стене, чтобы не упасть: перед ним высился, закрыв своей тенью старенькую лачугу, огромный дворец, отливавший в лучах солнца золотом и серебром.

— Бабушка, смотри! — закричал Ибрагим старой Фатьме, которая в изумлении застыла на пороге. — Теперь мы будем жить здесь, а старую хижину снесём.

— Нет, дружок, — обрета наконец дар речи, сказала старушка. — Построив новый дом, старый не разрушай, говорит пословица. В этой хижине я прожила всю свою жизнь, в ней была счастлива, в ней и умру, но никогда не войду в колдовское жилище.

— Пусть будет, как ты хочешь. А теперь и я отправляюсь на поиски своего счастья!

Ибрагим вынул перстень, надел на палец. Старушка закрыла глаза руками и в ужасе убежала в хижину. Перед Ибрагимом появился Ифрит, поклонился, прижимая руку к груди:

— Что прикажешь, мой господин?

— Именем Сулеймана приказываю: доставь меня в столицу!

Хотя Ибрагим уже охотно вошёл в роль повелителя, он не сумел скрыть удивления, когда в следующую минуту перед его взором предстала каменная стена с крепкими воротами. За этой зубчатой стеной высились купола и шпили огромного дворца. Ибрагим с любопытством огляделся и увидел, что у ворот в скорбных позах сидят и стоят люди в чёрных одеждах. Они, в свою очередь, удивлённо разглядывали неведомо откуда взявшегося Ибрагима.

— Мир тебе, о юноша! — приблизившись, произнёс один из них — глубокий старец.

— И тебе мир, отец. Что это там такое?

— Сын мой, это дворец нашего падишаха.

— Благодарю, он-то мне и нужен.

Ибрагим подошёл ближе к воротам и увидел по обе стороны от них два больших, тщательно обточенных камня.

На одном витиеватой арабской вязью было выведено: «Для женихов», на другом: «Для нищих».

Ибрагим уверенно уселся на камень для женихов. Тотчас к нему с возгласами испуга стали приближаться люди.

— О юноша, как видно, ты по ошибке выбрал камень, на который никто не осмеливается садиться, — с тревогой произнёс старец.

— Нет, отец, я знаю, для чего я сюда сел. Я — жених!
— ответил Ибрагим.

Возгласы испуга зазвучали громче. Теперь люди ша-рахнулись подальше от Ибрагима.

— Сохрани тебя аллах от беды, о юноша! Не делай этого, — взмолился старец. — Видно, ты не слыхивал, что главный визирь нашего падишаха карает смертью каждого, кто осмелится сесть на этот камень и посвататься за принцессу.

Люди заговорили наперебой:

— Он сам хочет жениться на ней! Для свадьбы с принцессой строит он новый чудо- дворец. Он желает заслонить небо его куполами.

— Да, великое горе терпит народ от этого визиря. Нет семьи, от Куры до Аракса, у которой он не отнял бы родных и близких. Вот почему все мы в трауре.

— Но ведь у нас есть падишах, — возразил Ибрагим.
— Почему вы не пожалуетесь на визиря нашему падишаху?

— Молчи, молчи, несчастный! Падишах добр, но он беспомощен в руках визиря. Этот тиран давно уже завладел не только страной, но и всеми помыслами падишаха.

— А принцесса? Она добра?

— Так же добра, как и несчастна. Если ты думаешь, что счастье рождается во дворцах, ты глубоко ошибаешься. Мрак и уныние принёс визирь и во дворец падишаха.

— Так неужели нет никого, кто мог бы с ним справиться?

При этом вопросе Ибрагима люди, и без того стоявшие поодаль, вовсе его покинули. Только седобородый старец продолжал умолять:

—Послушайся нас, о юноша! Не губи свою жизнь и молодость, беги отсюда... Мой несчастный сын Ганифа тоже был смелым и отчаянным, как ты, а ныне...

Старец остановился на полуслове и с тревогой взглянул на ворота. Они широко распахнулись, давая дорогу вооружённым всадникам. Люди стали разбегаться. Всадники на всём скаку давили бегущих, хлестали плетью направо и налево. Вслед за этим пешие стражники вывели длинную вереницу истощённых узников, цепями и верёвками привязанных друг к другу.

Среди узников люди узнавали своих измученных родных и близких, которых гнали из тюрьмы-подземелья на постройку дворца. Протягивая узникам узелки с едой, люди пытались что-то сказать, однако стражники грубо отталкивали каждого, кто хотел приблизиться.

—Ганифа, сын мой! — надрывно закричал седобородый старец и засеменял к юноше, закованному в цепи, но один из всадников грудью коня сбил старика с ног.

—Отец! — с отчаянием отозвался юноша на крик старца, шагнул вперёд, но стражники оттащили его обратно.

Начальник конвоя сосчитал выведенных на работу узников, крикнул:

—Забираю двести тридцать рабов. Пятерых слабых — обратно в подземелье. Можете закрывать ворота!

Два рослых усатых привратника, закрывая ворота за последними узниками, заметили на камне для женихов Ибрагима. Он сидел ссутулившись, потрясённый только что увиденным.

—Эй, ты, не там сидишь, где положено! А ну, пересядь вон туда! — крикнул один из привратников: он, видно, принял Ибрагима за нищего, который ожидает подаяния от падишаха.

Ибрагим глянул исподлобья, но не двинулся с места.

—Э, я вижу, ты глухой, — продолжал привратник. — Ну, с глухими у нас и разговор другой. Мы по-всякому умеем.

Вслед за этой хвастливой фразой привратник подошёл, хлопнул Ибрагима по затылку и, взяв его за шиворот, силой пересадил на другой камень.

—Твоё место здесь, сиди и жди, понял? Ибрагим молчал. Привратник погрозил кулаком и направился к воротам.

У ворот он оглянулся — Ибрагим снова сидел на камне для женихов. Теперь уже оба привратника бросились к Ибрагиму, подняли его и снова усадили на другой камень. Но не успели привратники дойти до ворот, как Ибрагим пересел обратно. Тогда рассвирепевшие привратники схватили юношу и поволокли с собой.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕСТОЕ,

которое знакомит читателя с грозным и
всесильным визирем

Большом зале сидел на троне падишах. Волосы у него были седые, как у всех стариков, но добрые глаза смотрели жалобно и испуганно, будто у обиженного младенца. По обе стороны от трона стояли, почтительно склонившись, придворные мудрецы, сановники, военачальники, стража.

Но вот к трону приблизился главный визирь. Брови его были сурово сдвинуты, чёрные одежды ниспадали прямыми складками, а смотрел он вокруг так холодно и надменно, что каждый, мимо кого он проходил, невольно склонялся ещё ниже.

— О падишах вселенной! — слегка склонив голову, произнёс главный визирь, и падишах тревожно заморгал, глядя на него. — О падишах, явился некто без роду без племени и осмеливается просить руки нашей несравненной принцессы.

— Пусть войдёт, — надтреснутым голосом приказал старый падишах. — Обычаи нашей страны обязывают выслушать жениха.

В глазах главного визиря мелькнули злые огоньки. Он бросил на старого падишаха враждебный взгляд, но не посмел прекословить, склонил голову и хлопнул в ладоши. Шахский церемониймейстер ввёл Ибрагима. Печальные

глаза старого падишаха, скрытые под седыми бровями, безучастно устремились на юношу, но внезапно расширились, вспыхнули. В самом деле, как он был хорош, этот бедно одетый, но горделивый и смелый юноша по сравнению с трусливыми и поддобоострастными придворными!

— Поведай нам, о сын мой, как твоё имя и что привело тебя к нам, — ласково сказал падишах.

— Имя моё Ибрагим. По закону наших отцов и дедов я пришёл с просьбой к тебе и прошу выдать за меня твою дочь.

— Откуда ты, из какого рода-племени?

— К чему тратить время на расспросы! И без них ясно, из какого гнезда вылетел этот птенец, — не выдержав, злобно сказал главный визирь.

— Ты отважен, юноша, — сказал падишах. Слова визиря он пропустил мимо ушей.

— Эй, бродяга! — крикнул Ибрагиму визирь, задетый за живое пренебрежением падишаха. — Я вижу по твоим глазам, что неспроста ты осмелился на столь великую дерзость — просить в жёны прекраснейшую из прекрасных...

И, обращаясь к старому падишаху, главный визирь пояснил: — О, средоточие вселенной, знай, этот нищий проходимец замыслил стать твоим зятем, чтобы захватить и трон и корону!..

— Замолчи, визирь, замолчи, — попытался остановить его падишах, но тут вмешался Ибрагим.

— Эй, визирь, не хочешь ли ты приписать и другим свои гнусные помыслы, — ответил он спокойно. — Твои козни...

Визирь вытянул жилистую шею, прислушиваясь. Глазки его злобно сверкали, длинная жидкая борода дрожала от гнева.

Ибрагим смело смотрел ему прямо в лицо и вдруг не выдержал — покотился со смеху. Падишах и сановники удивлённо смотрели то на визиря, то на юношу.

— Сын мой, скажи, что тебя так насмешило? — спросил падишах.

— Если я скажу, боюсь, великий визирь рассердится, — продолжая смеяться, с трудом выговорил Ибрагим.

— Не бойся, мы прикажем, и он не рассердится.

— Говори, я не рассержусь, — примирительным тоном произнёс и визирь и ещё больше вытянул шею в сторону

Ибрагим: видно, он сторал от желания узнать причину столь неожиданного веселья. Ибрагим, присмотревшись к нему, снова разразился хохотом.

— Говори, не то наш визирь в самом деле рассердится, — добродушно рассмеялся и старый падишах: он повеселел при виде жизнерадостного отважного парня, который не боялся даже коварного, заносчивого визиря.

— Хорошо, если приказывает падишах, скажу, — согласился Ибрагим. — У моей бабушки есть драчливый старый козёл... Борода у визиря точь-в-точь как у этого козла. А если он ещё и шею вытянет... того и гляди, забодает! — Ибрагим шагнул к визирю и насмешливо заблеял ему в лицо: — Мэ-э-э!..

В первое мгновение визирь онемел от неслыханной дерзости Ибрагима, но затем разразился бранью:

— Ах ты, жалкий щенок! Это я — козёл? — И он в ярости размахнулся, чтобы дать Ибрагиму оплеуху.

Ибрагим быстро нагнулся, и удар пришёлся по воздуху. Визирь снова размахнулся, и снова Ибрагим успел отклониться назад, а рука визиря описала круг в воздухе. Тогда взбешённый визирь попытался ударить Ибрагима ногой. Но Ибрагим подпрыгнул вверх, поджал под себя ноги, и визирь едва не упал, промахнувшись. Теперь уже хохотали и падишах, и сановники.

Видя перед собой улыбающееся лицо врага, с которым он не сумел справиться, визирь возопил в бешенстве:

— Стража, схватить его! Бросить в подземелье!

Падишах, приподнявшись, хотел что-то возразить, но стражники подчинились властному голосу визиря и двинулись на Ибрагима.

—Мэ-э-э!.. — в последний раз с притворным испугом проблеял Ибрагим и... исчез. Стражники, бросившиеся было, чтобы схватить его, натолкнулись друг на друга, попадали на пол.

—Ищите его! Поймайте! — в ярости кричал визирь. Стражники метались по тронному залу, а в это время перед визирем на минуту вдруг появилось смеющееся лицо Ибрагима без папахи на голове.

—Мэ-э-э... — тихонько проблеял он и вновь исчез.

—Вот он! — закричал визирь и схватил руками воздух.

С проклятиями визирь метался по залу вместе со стражниками. А в это время среди шума и грохота послышался скрип двери, на который никто не обратил внимания.

Невидимый в своей чудесной папахе, Ибрагим покинул опасное для него место...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ,

которое привело Ибрагима к встрече с принцессой

Сказочно прекрасным был дворцовый сад: кругом благоухали розы нежнейших оттенков, выращенные искусным садовником шаха даже на выступах каменных стен; стройные кипарисы будто подпирали своими острыми вершинами купол неба; по бархатной траве важно разгуливали царственные павлины с радужными хвостами; соловьи заливались в розовых кустах.

— Клянусь, я попал в уголок рая, обещанного нам пророком Магометом! — в изумлении произнёс Ибрагим и снял с головы папаху-невидимку.

В глубине сада он увидел бело-розовый мраморный дворец и осторожно пробрался к нему, стараясь прятаться за кустами и деревьями.

Он осмотрел запертый дворец со всех сторон и увидел наверху, над головой, балкон. Ибрагим взобрался на дерево, раскачался на большой ветке и прыгнул на балкон. Сквозь причудливые узоры цветных стёкол он увидел за окном девушку, которая стояла спиной к нему в горделивой позе. Перед девушкой нервно расхаживал главный визирь и что-то ей горячо доказывал, то прижимая руки к груди, то поднимая их к небу: это означало, что он самого аллаха призывает в свидетели.

Прильнув лицом к стеклу, Ибрагим тщетно пытался расслышать хоть единое слово.

Ему помог сам визирь: подошёл к окну, легко поднял вверх скользящую раму с разноцветными стёклами. Ибрагим отпрянул к стене, у него даже прервалось дыхание.

— Посмотри, какой подарок ожидает тебя ко дню свадьбы! — восторженно произнёс визирь. — Подойди полюбуйся! Дворец твоего венценосного отца, воспетый поэтами, — жалкая лачуга рядом с новым.

«Это она!» — мелькнуло в голове Ибрагима, и он весь превратился в слух. Визирь, вытянув шею, любовался строящимся дворцом. Проследив за его взглядом, Ибрагим увидел высокие стены, по которым с трудом передвигались измождённые люди. Спины их были согнуты под

тяжестью камней. Надсмотрщики подгоняли узников длинными плетями. Свист и глухие звуки ударов гулко отдавались в воздухе. Только голосов не было слышно: раб не смел кричать от усталости и боли, а надсмотрщики не считали нужным тратить слова на этих несчастных людей.

— Как будет готов этот чудо-дворец, мы отпразднуем нашу свадьбу, — сказал визирь принцессе.

Девушка молча, с презрением отвернулась от него, отошла в глубину комнаты.

— Не хочешь взглянуть? — с угрозой продолжал визирь. — Берегись, я прикажу выколоть глаза твоему царственному родителю и на старости лет пушу его скитаться по свету собирать подаяние. Подумай об этом.

Властным жестом он повелел застывшей у двери чернокожей служанке увести принцессу.

Ибрагим спустился с балкона. Ему казалось, что сказочный сад сразу померк. Кому нужны эти прекрасные цветы, эти редкие птицы, если все тут — пленники... Даже сам падишах, даже принцесса, которая в силах лишь отворачиваться от своего гонителя...

В это самое время в обширной дворцовой кухне главный повар с шумными, весёлыми поварятами готовили обед. На громадных сковородах с шипением жарилось мясо, на длинных шампурах подрумянивалась дичь. В другом конце кухни шахский пекарь ловкими привычными движениями выхватывал из печи один за другим румяные чуреки и горкой укладывал на большой деревянный поднос.

Вдруг пекарь в страхе попятился и вытаращил глаза: поднос с чуреками сам собой поднялся в воздух и медленно поплыл по кухне.

— Вай, джинн, джинн! — в ужасе завопил пекарь.

— Джинн! Джинн! — вторили ему повар и поварята, заметившие, в свою очередь, что из-под рук у них со сковородок и шампуров сорвались золотистые, поджаренные куры, куски мяса и опустились на паривший в воздухе поднос с чуреками.

В кухне поднялась паника. Все с воплями бросились врассыпную. Кто-то прыгнул в ларь с мукой, и белое облако поднялось к потолку. Кто-то с визгом барахтался в тесте, остальные с головой залезли в корзины из-под овощей и фруктов...

По двору шёл слуга-негритёнок, нёс на блюде большой сдобный пирог, а сам, поминутно оглядываясь, слизывал втихомолку с пирога сахар. Вдруг он увидел плывший в воздухе поднос с чуреками и всякой ароматной снедью. Негритёнок испуганно шарахнулся в сторону. А когда в следующую секунду вкусный пирог с его рук сам собой перелетел на поднос, негритёнок отшвырнул блюдо и с воплями припустился бежать.

Ибрагим снял папаху и присел с подносом перед тёмным оконцем подземелья, заделанным решёткой, едва поднимавшимся над землёй.

— Эй, друзья, угощайтесь! — крикнул он в оконце и пододвинул поднос к самой решётке.

Из подземелья донёсся гул голосов, показались всклокоченные головы узников, худые руки жадно потянулись к еде. Поднос опустел в мгновение ока.

Из глубины сада слышались голоса и топот приближавшихся стражников.

— До свидания, друзья! Не унывайте! Мужайтесь! — крикнул Ибрагим, подхватил поднос и скрылся с ним в кустах.

Он подпустил стражников поближе и с силой запустил в них подносом. Тяжёлый поднос с силой угодил одному из стражников прямо в живот. Стражник взвыл от боли. Другой преследователь взлетел в воздух и шлёпнулся о землю: это Ибрагим, спрятавшийся за углом, дал ему подножку. Натыкаясь друг на друга, покатались по земле и остальные стражники.

Вне себя от злобы, они бегали и пытались взять Ибрагима в кольцо: уж теперь-то, мол, он от них не уйдёт!

Но не так легко было сладить с этим ловким парнем. Он даже не счёл нужным прибегнуть к помощи папахиневидимки. Просто поднял в воздух один из стоявших поблизости пчелиных ульев и швырнул в наступавших на него стражников.

Разгневанные пчёлы вырвались с гулом из расколовшегося улья. Ибрагим швырнул второй улей, а сам быстро залез в большой глиняный кувшин с водой, наполовину зарытый в землю, задвинул доской отверстие. Такие кувшины стояли в разных уголках падишахского сада, из них черпали воду, поливая цветы.

Чёрной жужжащей тучей кружились в воздухе пчёлы. Они безжалостно жалили стражников, которые пытались прикрыть руками вздувшиеся от пчелиных укусов лица. С воплями и стонами, давя друг друга, страж-

ники добежали до большого бассейна и, гремя оружием, бросились в его спасительные воды.

Мстительные пчёлы долго ещё кружились над бассейном, норвя ужалить каждого, кто пытался торопливо высунуть голову — глотнуть хоть немного воздуха. Вода булькала и колебалась, прикрывая от свирепых крылатых врагов посрамлённых визиревых слуг.

Немало прошло времени, пока в саду утих шум и гам. Ибрагим вновь осторожно пробрался к балкону принцессы. Он надеялся увидеть её — ведь он и сейчас не мог представить себе её лица. Помнил только, с каким гордым упорством она отворачивалась от коварного визиря. И это наполняло душу Ибрагима надеждой и радостью.

Он только было собрался опять залезть на балкон, как вдруг двери дворца распахнулись. Ибрагим едва успел спрятаться за дерево, от неожиданности он даже забыл про свою чудесную папаху.

Из дворца лёгкие, как райские гурии, выходили прекрасные девушки в развевающихся нарядных одеждах. Девушки несли шёлковые подушки с кистями, лёгкие персидские коврики, вазы, полные фруктов, спелые дыни, серебряные сосуды с шербетом. Всё это было похоже на сказочное празднество, на пиршество неземных существ.

Прячась за кустами роз, Ибрагим следовал за девушками.

Красавицы пришли в уголок сада, где журчала вода в бассейне, расстелили на мраморной террасе ковры, разложили подушки, поставили на низкие восьмигранные столики вазы с фруктами и кувшины со сладкими напитками.

— Ханым шествует, ханым, — пронеслось из уст в уста.

«Неужели эти красавицы всего лишь служанки? — невольно подумал притаившийся Ибрагим. — Какова же должна быть их госпожа?»

Девушки стали по обе стороны ковровой дорожки, склонили головы. Ибрагим замер. Сорок красавиц служанок в белых, расшитых серебром платьях под нежные звуки струн саза и кеманчи грациозно двигались по дорожке, а среди них, как солнце, осветившее сад, как царственная лебедь, плыла принцесса Нурджахан. Её белое платье было отделано золотом. Тяжёлые чёрные косы были так длинны, что две совсем юные девушки несли их на золотом подносе: ненароком прекрасные волосы могли коснуться земли.

«Это она! — возликовал Ибрагим. — Та, которую я искал!»

Забыв об осторожности, он поднялся из-за куста, не в силах оторвать глаз от грустного и прекрасного лица принцессы, опустившейся на шёлковое ложе. Тут его заметила одна из девушек.

— Ханым, мужчина! — вскрикнула она, сорвала с головы лёгкий платок и загородила госпожу от чужих глаз.

Опомнившийся Ибрагим мгновенно надел папаху-невидимку.

Принцесса гневно отстранила от лица платок, поднялась на ноги. Девушки бросились осматривать окрестные дорожки, но никакого мужчины и близко не было. Принцесса с укором покачала головой и задумалась...

А когда наступил вечер и прекрасные девушки ушли из сада, Ибрагим наконец смог взобраться на балкон.

Он осторожно заглянул в комнату сквозь разноцветные стёкла и едва не сорвался вниз от восторга. Принцесса восседала под балдахином на роскошной, украшенной коврами и подушками тахте, а взгляд её, задумчивый и печальный, был устремлён прямо на окно.

Двадцать служанок готовили принцессу ко сну. Одни мыли ей ноги в золотом тазу, другие из золотых кувшинов осторожно подливали воду, третьи расчёсывали прекрасные чёрные волосы.

Ибрагим смотрел как зачарованный: эта девушка была ещё прекраснее той, чьё лицо он увидел на портрете.

Он стоял на балконе во весь рост, не в силах оторвать глаз от юной принцессы.

Приготовив госпожу ко сну, девушки погасили высокие свечи. В комнате наступила темнота, и за окном на фоне угасающего неба чётко обрисовался силуэт Ибрагима.

— Ханым, мужчина! — воскликнула на этот раз другая служанка.

В комнате засуетились. Ибрагим быстро надел папаху и прижался к стене. Несколько девушек выбежали на балкон, внимательно оглядели сад внизу. Вскоре они вернулись в комнату и по движениям их рук, по выражению лиц Ибрагим понял, что они бранят девушку, которая подняла тревогу. Лишь принцесса сидела задумчиво и безучастно.

Ночью Ибрагим бесшумно открыл дверь балкона. С розой в руках он прокрался на цыпочках к ложу принцессы и склонился, вглядываясь в прекрасное лицо спящей.

— Ты мечта или девушка? — прошептал он едва слышно и, нагнувшись, поцеловал принцессу в щёку.

Девушка проснулась, приподнялась на своём ложе. А Ибрагим, оставив на её одеяле розу, скрылся под папахой-невидимкой.

Принцесса растерянно коснулась рукой щеки, слегка улыбнулась и качнула головой, будто провожая приятный сон. Но тут она заметила возле себя розу и хлопнула в ладоши. На пороге появились служанки.

— Кто из вас только что входил сюда? — строго спросила принцесса. Девушки удивлённо переглянулись.

— Никто не входил, — сказала одна из них.

— Никто, — повторили остальные.

— Неправда, кто-то сейчас был тут.

— Что вы, ханым! Может, это вам приснилось? — сказала самая смелая из девушек.

— Снилось? В таком случае откуда эта роза?

— Не знаем... Никто не входил... Мы не спим... Следим неусыпно, — наперебой испуганно заговорили служанки.

Чтобы успокоить госпожу, одна из служанок заглянула под тахту, в стенную нишу. Рукой она нечаянно коснулась лица Ибрагима, который стоял, невидимый, у стены. Озадаченная служанка не знала, чему верить — руке или глазам. Ибрагим бесшумно ускользнул. Девушка опять ощупала рукой стену, но на этот раз ничего не обнаружила. Она пытливо посмотрела на своих подруг и промолчала...

Дверь была отворена. Ибрагим бесшумно выскользнул в соседнюю комнату.

Под утро его разбудили чьи-то тихие шаги. Вкусно запахло пловом. В полутьме Ибрагим разглядел низкий восьмигранный столик. На столике стоял завтрак, приготовленный для принцессы. Ибрагим только сейчас вспомнил, что вчера весь день ничего не ел. Даже когда относил поднос, полный вкусной снеди, узникам подземелья, не отведал ни кусочка мяса, ни крошки чурека.

Приподнимая с золотой тарелки, похожей на шлем стражника, серебряный колпак, Ибрагим задел что-то. Дзинь-нь! — тоненько звякнула посуда.

Ибрагим и не заметил, как проснулась в углу чернокожая девушка. Она заметила, что с раскрытой тарелки сам собой быстро исчезает плов. Африканка протёрла глаза, потом растолкала соседку и указала дрожащей рукой на тарелку. Обе служанки подползли к столику и,

вытаращив глаза, смотрели на золотую тарелку, которая опустела у них на глазах.

Ибрагим заметил смешные, изумлённые лица девушек, снял на мгновение папаху и соорудил смешную рожу. Рот у него был набит пловом.

Суеверные африканки приняли Ибрагима за колдовское видение, попятились назад и с головой залезли под одеяло. Ибрагим спокойно доел плов, довольный, что ему больше не мешают.

Когда служанки перед зеркалом закончили утренний туалет принцессы, она хлопнула в ладоши и приказала подать завтрак.

Девушки осторожно принесли прикрытые колпаками тарелки, открыли их и ахнули от изумления: на тарелках ничего не было.

— Что случилось? Почему вы стоите как околдованные? — спросила принцесса.

— О ханым, тарелки пусты, — пролепетали служанки. Принцесса встала, подошла ближе.

— Как это? — удивилась она. — Кто мог съесть мой завтрак? Что здесь происходит? Мне этой ночью показалось, будто меня кто-то поцеловал! Сейчас же признавайтесь, кто осмелился ночью войти в мою комнату? Это некому сделать, кроме вас!

На одной из стен комнаты принцессы висело маленькое зеркало. Оно едва заметно сдвинулось в сторону, и в отверстии появился полный любопытства глаз евнуха.

— Что вы, ханым! — не соглашались девушки. — Подумайте, для чего мы стали бы тайком целовать вас ночью?

И кто осмелится съесть ваш завтрак, когда на кухне полно всякой снеди?

Глаз евнуха внимательно наблюдал сквозь щель за девушками.

— Всё это так, — задумчиво сказала Нурджахан, — но ведь и я не могла ошибиться... Да ещё вчера в саду дважды видели мужчину... Нет, здесь кто-то был!

— А стража? Сюда и птица на крыльях не пролетит, и конь не проскачет, — неуверенно попыталась возразить старшая служанка.

— Ступайте, ступайте, — и никому ни слова. Помните: собака, отведавшая сыру, появится вторично. Подождём, что будет...

Едва девушки вышли из комнаты и разговор закончился, зеркальце, висевшее на стене, вернулось на своё место.

Этот день принцесса провела в глубокой задумчивости, а с наступлением вечера она постаралась опять побыстрее отпустить служанок:

— Я плохо спала в прошлую ночь и очень устала. Ступайте, не тревожьте меня больше. Сама же после ухода служанок уколола себе иголкой палец, посыпала ранку солью, чтобы не уснуть, и стала ждать.

Принцесса не ошиблась. Лишь наступила полночь, дверь балкона бесшумно отворилась, и на пороге появился Ибрагим. Принцесса сразу увидела его стройную фигуру на фоне звёздного неба и затаила дыхание.

Ибрагим приблизился. Сквозь прикрытые ресницы принцесса смотрела на его мужественное, красивое лицо — таких лиц, таких смелых глаз она никогда не видела в

своём дворце, похожем на золотую темницу. Может быть, это сам Иосиф Прекрасный?

Ибрагим долго стоял у изголовья принцессы, любуясь ею. Вдруг девушка открыла глаза и схватила его за руку.

— Кто ты? — спросила она. — Ты сошёл с неба?

— О нет, повелительница, — тихо ответил юноша. — Я простой смертный, навсегда преданный тебе Ибрагим.

— Как же ты осмелился на такую дерзость? Знаешь ли ты, что за это тебе отрубят голову?

— Я с радостью приму казнь за миг счастья — узреть тебя, о прекрасная ханым! Пусть летит с плеч голова Ибрагима, он способен на жертву ради любимой.

Лицо принцессы озарилось доброй, счастливой улыбкой.

— О Ибрагим, открой мне, кто ты и как попал сюда, во дворец?

Вместо ответа Ибрагим взял саз принцессы. Сильные смуглые руки уверенно прошлись по струнам, и юноша запел принцессе обо всём, что таилось в его сердце.

Принцесса слушала смущённая, затаив дыхание. Счастливая улыбка не сходила с её лица. Она очнулась лишь в ту минуту, когда с шумом распахнулась дверь и в комнату ворвался главный визирь в сопровождении евнуха и стражников.

— Теперь ты от меня не уйдёшь! — с торжеством воскликнул главный визирь. — Взять его!

Стражники начали надвигаться на Ибрагима.

— Не смейте его трогать! — крикнула принцесса и собой загородила юношу. Стражники было заколебались,

но визирь гневно прикрикнул на них, и они снова стали наступать.

Тогда Ибрагим надел на палец волшебный перстень. С воем и свистом в комнате появился Ифрит. Визирь и стражники в испуге отшатнулись при виде чудовища.

— Что прикажешь, господин? — почтительно спросил Ифрит.

— Именем Сулеймана приказываю: доставить меня и принцессу в мой дом!

— Слушаю и повинуюсь, — ответил Ифрит, и на глазах у онемевшей стражи и разъярённого визиря Ибрагим с принцессой мгновенно исчезли из комнаты.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ,

в которое вмешалась старая колдунья,
похитившая принцессу

Бабушка Фатьма возилась по хозяйству на маленькой веранде своей хижины. Напротив, в лучах восходящего солнца, сверкал сказочный дворец Ибрагима. Она старалась не смотреть в ту сторону.

Внезапно подул ветер, вдали на дороге закружилась пыль, будто сильный смерч подхватил её и поднял в воздух. Гигантский хобот, извиваясь, приближался, пыль рассеялась, и, к изумлению бабушки Фатьмы, во дворе появились Ибрагим с принцессой.

Старушка радостно бросилась им навстречу, с распростёртыми объятиями встретила свою прекрасную не-

вестку. Она нежно расцеловала и девушку и внука, не забыла произнести обычные в таких случаях слова: «Добро пожаловать, доченька», «Пусть вместе с тобой в наш дом войдёт счастье...» Не забыла она бросить под ноги невестке глиняную чашку, чтобы красавица наступила на неё: ведь в народе издавна считают, что это к счастью бить посуду.

После этого Ибрагим торжественно ввёл принцессу в свой сверкающий дворец. А старый падишах остался в своём опустевшем дворце, преисполненный горя.

— Найдите, верните мою дочь, — молил он гадальщиков, созванных со всех концов города. — Укажите только, где она, и я отдам всё, чего вы пожелаете.

Главный визирь в гневе широкими шагами ходил по тронному залу и, взглядывая на гадальщиков, грозил:

— Попробуйте не найти! Всем прикажу головы отрубить!

Он наклонился над гадальщиком, который сидел у ног падишаха и гадал над медной чашей с водой и замысловатыми камешками на дне.

— Ну как? — с угрозой спросил визирь.

— Н-не в-вижу... т-темно кругом, — запинаясь, еле говорил гадальщик. Визирь в бешенстве отшвырнул ногой чашу и закричал:

— В подземелье его! Пока не научится видеть в темноте.

Стражники поволокли гадальщика к двери, а через другую дверь старший охраны ввёл в зал невзрачную хромую старуху в тёмной чадре.

Главный визирь расхохотался:

— Это что, тоже прорицательница? Она же едва на ногах держится.

— Эй, визирь, суди о людях не по виду, а по их делам, — прошамкала старуха.

— Ладно, ладно, слушай, — примирительно сказал визирь, не ожидавший такого отпора. — Парень, по имени Ибрагим, похитил несравненную принцессу Нурджахан. Все наши поиски ни к чему не привели.

— Знаю, всё знаю, потому я и поспешила сюда.

— Но ты не знаешь, что в его руках волшебный перстень Сулеймана.

— Ой, ой, тогда это нелёгкое дело, — покачала головой колдунья. — Сами понимаете, я бедная женщина, а нужно отправляться в далёкий путь. — Старуха вытянула костлявую руку и выразительно потёрла большим пальцем об указательный.

— Ну, мы не позволим, чтобы нужда помешала такой мастерице, как ты, вернуть дочь пострадавшемуся отцу, — сказал визирь и сунул старухе в руку несколько золотых динаров.

— Потом получишь втрое больше, — пообещал он.

Старуха с жадностью схватила деньги и торопливо заковыляла к двери. Визирь хотел что-то сказать ей вслед, но старуху как ветром сдуло — сразу было видно, что уж это настоящая колдунья.

Не теряя времени, старуха перенеслась в свою лачугу. Не приведи аллах честному человеку оказаться в таком месте! Из тёмного угла старуха выкатила на середину лачуги большой глиняный кувшин, сунула в него метлу и преспокойно сама туда уселась. Стоило старухе взяться за метлу, как кувшин стрельнул пламенем и чёрным дымом и взмыл в воздух.

Колдунья летела в своём кувшине между облаками и зорко вглядывалась в каждый дом внизу. Заметив сверкавший в утренних лучах дворец Ибрагима, она сделала над ним несколько кругов — можно было подумать, что это кружит большая хищная птица, — и наконец бесшумно опустилась на землю за хижинной бабушки Фатьмы. Выбравшись из кувшина, старуха медленно повела над ним руками, и кувшин исчез с глаз.

Подобравшись ко дворцу, она притаилась под балконом и стала подслушивать доносившийся сверху разговор.

— Я перестал бы считать себя человеком, покрыл бы вечным позором своё имя, если бы спасся сам, а тебя оставил во власти визиря, — горячо убеждал принцессу Ибрагим.

Старуха под балконом злобно ухмыльнулась.

— Я даже мечтать не смею о твоей любви, — продолжал Ибрагим. — Если тебе здесь тоскливо — прикажи, и я немедленно доставлю тебя во дворец твоего отца.

Вытянув худую, жилистую шею, старуха прислушивалась к разговору молодых людей.

— Ибрагим, славный джигит, я жила там среди богатства и роскоши одиноко, будто в золотой клетке, не знала счастья-радости. И вот пришло счастье: явился ты, освободил меня. Так неужто я бы согласилась вновь попасть в неволю? Знаешь, как в народе у нас говорят: «К чему мне золотой таз, если придётся кровью кашлять в него?»

Колдунья хихикнула, довольная: значит, она не ошиблась, отыскала принцессу. Тут она увидела, что со ступеней дворца спускается Ибрагим. Колдунья схватила метлу притворилась, будто подметает улицу. Ибрагим посмотрел с удивлением на незнакомую женщину, но, занятый своими мыслями, тут же забыл о ней. Как только Ибрагим скрылся, колдунья бросила метлу, подбежала к балкону и, свалившись на землю, громко застонала:

— Ой, я несчастная! Ногу сломала, умираю!

Нурджахан услышала стоны, посмотрела с балкона и поспешила вниз по лестнице.

— Бабушка Фатма, — позвала она, — сюда, на помощь!

Принцесса помогла старухе подняться, отряхнула её пыльное платье.

— Бабушка, вы сильно ушиблись? — спрашивала она с тревогой.

— Слава аллаху, кажется, ничего, доченька, — воздев к небу руки, ответила колдунья и, кряхтя, поднялась на ноги.

Вместе с прибежавшей бабушкой Фатьмой Нурджахан ввела старуху во двор. Встревоженный пёс бросился вперёд с громким лаем — видно, почуял недоброе.

— Прочь, прочь, поганый! — испугалась колдунья.

— Не бойся, сестра, — успокоила её бабушка Фатьма.

— Он у нас умный, не тронет.

Колдунья присела на ступени дворца, перевела дух.

— Ох, нет сил идти, милые, — запричитала она. — Я бедная богомолка, дальний путь себе выбрала в угоду аллаху и вот упала... Думала, конец мой пришёл, аллах призывает меня в свои благословенные райские кущи... Но нет, ещё предстоит мне послужить ему на этой брэнной земле. Спасибо, добрые люди! Пойду дальше...

Она поднялась, но снова со стоном упала на ступени.

— Ой, моя нога! О аллах милосердный, прости мне мои грехи! Какая боль! У-у-у... Смерть пришла за мной.

— Бабушка, не надо так говорить, — стала успокаивать её Нурджахан. — Оставайся у нас, отдохнёшь, поправишься...

— Спасибо, доченька, останусь. Мочи нет идти. Останусь и буду молить аллаха, чтобы послал тебе счастья.

Колдунья притянула девушку к себе и расцеловала её в обе щеки.

Нурджахан помогла колдунье подняться на веранду. Кот Местан сладко спал, пригретый солнечными лучами. Почуввав сквозь сон колдунью, он вскочил, ошетинился и злобно зафыркал.

— Сгинь, сгинь, проклятая тварь! — попятилась колдунья. Нурджахан схватила кота и унесла в соседнюю ком-

нату. Охая и стеная, колдунья уселась на тахту и начала разглядывать богатое убранство комнаты.

— Ой, какая же ты красавица! — воскликнула она при виде вернувшейся Нурджахан, будто впервые разглядела её. — Доченька, ты подобна четырнадцатидневной луне. Можешь поспорить с ней в красоте, можешь приказать ей: «Скройся с небосвода, я займу твоё место!» Да сохранил аллах такую красавицу от дурного глаза. Хвала создателю, подарившему миру эту красоту!

Нурджахан смущённо потупилась.

— Да и богатая ты, будто дочь падишаха, — продолжала колдунья, оглядывая комнату.

— Не обижайся, доченька, даже в толк не возьму: откуда у простых людей такая царская роскошь?

— Клянусь, бабушка, я и сама не знаю.

— Как так не знаешь? Ах, бедняжка, такая красавица, а муж тебя, знать, не любит.

— Ибрагим жених мой. Он жизнь за меня готов отдать!

— Ох, не верь, не верь, доченька. У мужчин это всё только на словах, — презрительно отмахнулась колдунья. — Любил бы — не таился бы от тебя...

Опасные, злые слова. Казалось, и не поверил им человек, а всё равно запали в душу, точат её, как вода гору.

Вечером, когда Ибрагим вернулся домой, Нурджахан впервые не вышла ему навстречу. Полный тревоги, Ибрагим взбежал по ступеням, распахнул дверь комнаты.

— Что случилось?

— Ничего... Знаешь, я оставила у нас погостить больную старушку. Она ушибла ногу, не может идти...

— Что ж, доброе дело. А где она?

— Спит, — холодно ответила Нурджахан и отвернулась.

— Всё же скажи мне, что с тобой, дорогая?

— Дорогая? Разве так называют нелюбимых?

— Зачем такие слова? Ты знаешь, я люблю тебя больше жизни!

Они спорили и даже не догадывались, что колдунья в соседней комнате вовсе не спит, а подслушивает каждое словечко, прижавшись ухом к стене.

— Неправда, неправда! Любил бы, так не стал бы прятать от меня разные тайны, не скрывал бы, откуда у тебя такое богатство!

— Ах, ты вот о чём! Неужели это для тебя так важно?

— Очень важно. Просто, значит, ты мне не доверяешь... Я чужая тебе, случайная гостья в твоём дворце...

Ресницы Нурджахан, влажные от слёз, вздрагивали. Она отворачивалась, не хотела взглянуть в лицо Ибрагиму.

— Не плачь, довольно, — сказал юноша. — Сядь сюда, поближе. У меня нет от тебя тайн, но никто другой пусть не знает об этом. Дорогая моя, я нашёл клад падишаха Сулеймана.

После ссоры и слёз в молодости хорошо спится. Крепким сном заснули в своих комнатах принцесса и Ибрагим. Глубокой ночью колдунья тихо поднялась со своего ложа в комнате Нурджахан и дала спящей принцессе понюхать снотворной травы. Потом прокралась в комнату Ибрагима, усыпила и его.

Долго искала злая старуха волшебный перстень Сулеймана. Обшарила карманы Ибрагима, сунула руку под подушку. Потом заметила на шее у Ибрагима талисман от дурного глаза — маленький кожаный мешочек на шнурке.

Старуха распорол талисман острыми кривыми зубами, и на ладонь ей упал перстень.

С насмешкой посмотрела старая ведьма на спящего юношу, бережно завязала перстень в узелок концом своего большого тёмного платка. Потом вышла на улицу, повела в воздухе руками, и у дворца появился кувшин. Отчаянным лаем заливался на цепи белый пёс, фыркал с дерева кот Местан, но хозяева крепко спали, а глуховатая бабушка Фатъма ничего не слышала из своей хижины. Колдунья перенесла спящую Нурджахан в кувшин, сама уселась рядом и медленно взмыла в воздух.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ,

из которого читатель поймёт, что даже
обыкновенный человек может летать по воздуху
и догнать своё счастье

Долго в это солнечное утро Ибрагим ожидал пробуждения принцессы. Потом осторожно постучался в дверь её комнаты.

— Дорогая, солнце давно поднялось!

Но никто не отозвался.

Снова Ибрагим подошёл к двери спустя немного времени:

— Нурджахан, завтрак твой остыл...

И снова никто ему не ответил.

Обеспокоенный Ибрагим распахнул дверь. Принцессы в комнате не было. Ибрагим бросился искать Нурд-

жахан и незнакомую гостью по всему дворцу, в ужасе побежал к бабушке:

— Нурджахан исчезла!

— Не может быть! Ведь возле неё оставалась наша гостья.

— И её нет!

Ибрагим схватился за голову — она казалась ему тяжёлой, точно закованная в броню. Он зажмурился, с трудом стал припоминать:

— погоди, погоди, бабушка... Вчера нашу улицу подметала старуха... Странная такая... Зачем она пришла сюда подметать? Откуда? С такой большой метлой...

— Что? Что ты сказал? — встрепелась бабушка Фатьма. — С метлой? О, горе нам! Это была колдунья... Она похитила Нурджахан!

Ибрагим схватился за талисман, висевший у него на шее: талисман был распорот, перстень исчез. В отчаянии Ибрагим упал на циновку.

Громкий лай привёл его в чувство. Пёс положил у его ног свирель и теперь лаял и повизгивал, будто хотел о чём-то напомнить хозяину. Ибрагим понял умного пса, выбежал из хижины и поднёс свирель к губам. Но дивы не появились. Слабые, нестройные звуки свирели были бессильны призвать лесных чудищ. Ибрагим попытался дуть сильнее — безрезультатно. Он с досадой отшвырнул свирель в сторону, однако пёс нашёл её в траве и снова положил у ног хозяина. Поднял голову, заскулил жалобно, а сам смотрел умными понимающими глазами, будто хотел что-то объяснить.

Ибрагим взял свирель и начал внимательно разглядывать. Потом приложил её к губам другим концом. Не успел он дунуть, как одновременно со звуками весёлой плясовой раздался гул и грохот. Пригнулись стволы деревьев, и вместе с сильным порывом ветра во дворе появились три брата — дивы и пустились в безудержную пляску. От топота огромных ног, казалось, сотрясалась вокруг земля, а маленькая хижина бабушки Фатьмы стала сильно качаться.

— О господин наш, приказывай, что тебе нужно, мы всё исполним, только оставь волшебную свирель, иначе мы не можем остановиться! — вопили дивы, бешено топая ногами и размахивая ручищами.

Ибрагим опустил свирель.

— Помогите мне догнать колдунью, — приказал он решительно, хотя в глубине души немножко испугался дивов: ведь когда-то он едва удрал от них и про себя удивлялся, что они сейчас ни о чём не помнят.

— Слушаем и повинuemся, господин, — хором ответили дивы и почтительно поклонились, причём каждый приложил руку к груди и глазам; чёрный див опустился на колено, поднял Ибрагима — совсем не так, как некогда в лесу, а очень осторожно — и посадил себе на плечи.

— Держись крепче за мои рога, — сказал он, а сам начал бормотать на диковинном языке дивов заклинание. Младшие дивы повторяли всё вслед за ним, но Ибрагим, как ни старался, не смог запомнить ни одного словечка. Через мгновение дивы начали плавно подниматься в воздух и Ибрагим вместе с ними.

И вот они, со свистом разрезая воздух, полетели над лесистыми горами, над широкой белой полосой дороги и шумным базаром, над рекой и полями. Чёрный див с Ибрагимом на спине летел посередине, два других дива — по бокам.

Вскоре Ибрагим заметил далеко впереди, в голубом небе, чёрную точку.

— Скорее, скорее! — стал торопить он дивов.

Ещё сильнее засвистело в ушах, но зато ясно обрисовались в про-

странстве неба очертания кувшина.

Вот уже видна и колдунья — озирается тревожно, подгоняет метлой свой выдавший виды кувшин.

Стремительные дивы настигли старуху, ринулись прямо на неё, и в небе завязался бой. Колдунья повернула в кувшине маленький краник — повалили клубы чёрного дыма. Голубое небо затянула густая завеса.

Дивы попали в непроницаемую мглу — исчезли из глаз и колдунья и кувшин. Задыхаясь от дыма, дивы взмыли ввысь, поднялись над густой чёрной тучей.

— Вон она, уходит! — крикнул Ибрагим, заметивший среди густого дыма ускользавшую точку.

— Да поможет нам аллах! — И чёрный див со свистом устремился вниз.

Но колдунья ловко повернула кувшин и улизнула от страшных рогов. Див закашлялся в густом дыму, поспешно взвился вверх. От резкого рывка полузадохшийся в дыму Ибрагим сорвался со спины дива и полетел бы вниз, если бы не ухватился на лету за хвост дива. Колдунья заметила это, подобралась поближе, стала бить Ибрагима по рукам метлой.

— Не выпускай хвост! — громовым голосом прокричал див и попытался лягнуть колдунью.

Потом он одной рукой поймал свой хвост, другой подцепил Ибрагима, усадил себе на спину. И снова ринулся на колдунью. На этот раз так стремительно, что та не успела увернуться. Крепкие рога со всего размаха ударили по кувшину — кувшин разлетелся вдребезги, и колдунья, со спящей принцессой на руках, камнем полетела к земле. Старуха и тут не растерялась: распустила куполом свою длинную чёрную юбку из сорока широченных складок и стала плавно опускаться вниз. Белый див налетел на колдунью, выхватил у неё принцессу, на лету передал Ибрагиму.

— Разрешите, мой господин, я съем эту старую ведьму! — сквозь свист и вой ветра прокричал младший див.

— Нет, пусть живёт, — ответил Ибрагим, с нежностью глядя в прекрасное лицо спящей Нурджахан. Подумать: она могла бы сейчас разбиться, если бы колдунья не удержала её! — Пусть живёт, — повторил он великодушно. — Умереть должен тот, кто послал её на злое дело...

Дивы и Ибрагим с принцессой на руках вырвались из чёрных облаков дыма и вскоре опустились прямо во дворик бабушки Фатьмы.

— Какие вы храбрые, какие молодцы! — похвалил Ибрагим дивов и соскользнул со спины чёрного дива, распластавшегося на земле.

Обрадованный похвалой, чёрный див вырвал у себя клочок шерсти, протянул Ибрагиму.

— О господин, когда мы потребуемся тебе, не дуй в неносную свирель, а подожги эту шерсть.

Вдруг из глубины двора донеслось отчаянное блеяние рыжего козла. Ибрагим обернулся и увидел, что рыжий козёл бьётся в лапах младшего дива, а тот уже раскрыл огромную жадную пасть. Ещё секунда — и не видать больше бабушке своего любимца! Ибрагим выхватил из-за пазухи свирель, приложил к губам — и див, бросив козла, начал бешено плясать. Рядом с ним плясали и два неповинных старших дива. Плясали, а сами то и дело норовили шлёпнуть младшего, из-за которого так рассердился Ибрагим. И плясали до тех пор, пока младший див громким рёвом и клятвами не выпросил у Ибрагима прощения...

Тем временем колдунья добралась до дворца падишаха. Рассерженный визирь, выслушав её, потрясал кулаками:

— Ты ни на что не годна, старая тварь! Из рук упустить принцессу!.. Ну погоди, я с тобой рассчитаюсь за твоё хвастовство...

Колдунья при этой угрозе и глазом не моргнула, лишь усмехнулась в ответ:

—Погоди, визирь, не маши кулаками, утомишься. Что для тебя девушка, пусть даже падишахская дочь, по сравнению с несметными сокровищами?

—Какие сокровища? О чём ты говоришь?

—Сокровища падишаха Сулеймана. Ибрагим нашёл клад...

—Это правда? — перебил визирь, и глаза его загорелись алчным блеском.

—Такая же правда, как то, что в руке у меня волшебное кольцо Сулеймана! — И колдунья с кривой улыбкой разжала тёмную сморщенную ладонь.

Ярко засверкал драгоценный перстень. Ошеломлённый визирь почтительно склонился перед старухой, не решаясь протянуть руку за перстнем.

—Что стоишь? Бери! Надень на палец — и смертельный враг мой, Ифрит, немедля доставит тебе принцессу. А после твоим будет и волшебный клад...

Слова колдуньи вывели визиря из оцепенения. Он взял перстень, надел на палец и...

В это самое мгновение Нурджахан, которая только что беседовала с Ибрагимом и бабушкой Фатьмой под деревом возле дворца, исчезла, будто растворилась в воздухе. Исчез, точно растаял, и чудесный дворец. А Ибрагим и его старая бабушка остались одни у порога своей бедной хижины.

Ибрагим выбежал из-под тени тутового дерева, посмотрел вверх. Так и есть! Он увидел, что дворец его плавно движется по небу, даже дым преспокойно поднимается из трубы над кухней. А бедная принцесса прости-

рает руки из окна и взывает жалобно: «О Ибрагим! О бабушка!..»

— Аллах, спаси нашу бедняжку! — взмолилась бабушка Фатьма, тоже слышавшая мольбы принцессы.

Ибрагим вытащил клочок чёрной шерсти, оставленной дивом, поджёт, и поднявшийся дым вскоре принял очертания чёрного дива.

— О господин, благодарю тебя, что не прибег к помощи свирели! — весело пробасил див и в улыбке растянул во всю ширь свои толстые губы. — Что прикажешь?

— Скорее доставь меня в столицу!

Див покорно приложил руку к груди, к глазам. Бережно поднял Ибрагима, посадил себе на спину и со словами заклинания поднялся в небо...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ,

о схватке во дворце визиря, едва не стоившей жизни
Ибрагиму

Огромная чёрная тень скользнула по воротам и стене дворца падишаха. Вслед за тенью опустился див, поставил на землю Ибрагима.

Ибрагим громко постучал в колотушку, висевшую на воротах, нахлобучил волшебную папаху.

На стук из ворот вышли два дюжих усатых привратника, поглядели во все стороны, никого не увидели и повернули обратно. Невидимый Ибрагим с силой ущипнул

за ногу привратника, который шёл впереди. Тот взвыл от боли и сердито закричал своему напарнику:

— Негодяй, чего щиплешься?

— Я? — вытаращил глаза тот. — А ну дай пройти! — Он хотел войти в калитку, но тут Ибрагим дал ему крепкую затрещину.

— Нечистый дух! — завопил второй привратник. — Говорю же, я и не думал тебя щипать! Ну погоди...

И он набросился на первого привратника. Началась драка. Ибрагим быстро скользнул в отворенные ворота, но столкнулся со стражником, который бежал на крики дерущихся. Стражник почувствовал рядом невидимое существо и от испуга ещё крепче охватил Ибрагима.

— Спасите! Помогите! — вопил он не своим голосом.

Тщетно рвался Ибрагим из цепких рук стражника. В пылу борьбы с головы у него упала папаха, а стражник, увидев в своих объятиях невесту откуда взявшегося парня, завопил пуще прежнего. Подбежали оба привратника, после недолгой борьбы втроем они связали Ибрагима, втолкнули в караульную с решётчатой дверью.

— Из какой преисподней вылез этот шайтан? — спросил стражник, всё ещё дрожа от испуга.

— Какой там шайтан! Это тот самый плут, который похитил падишахскую дочь, — ответил один из привратников. — Недурную награду получим теперь мы от ви-зиря. Пойду скажу. А вы чтоб глаз не спускали с мошенника!

Уходя, привратник поднял с земли потрёпанную, невзрачную папаху и хотел было примерить.

— Брось, ещё паршу схватишь! — брезгливо крикнул другой привратник, вырвал папаху и отшвырнул в сторону. Потом уселся перед решётчатой дверью, предложил стражнику: — Садись.

Он достал короткий чубук, не спеша начал набивать его табаком из пёстрого кисета. Ударил кусочком железа о кремень, высек огонь, закурил...

— Ну, чего ты на меня вытаращился? — спросил он, заметив, что Ибрагим, лежавший за решёткой, ловит каждое его движение. — Плохи твои дела. Скоро тебя чик-чик!.. — И он провёл ребром ладони по горлу, как ножом.

— Любопытно, как ты можешь курить такую гадость? — поморщился Ибрагим. — Тьфу!..

— Эй ты, не очень-то расплёвывайся! — рявкнул привратник, задетый за живое. — Табачок у меня отменный!

— Отменный? — захохотал Ибрагим. — Да ты знаешь ли, что это такое — отменный? Ты его и не видывал. Хочешь, добавлю тебе настоящего табаку? Вот тогда ты поймёшь.

— А где у тебя табак-то? — спросил привратник. Связанный Ибрагим подкатился к решётке, выставил вперёд плечо.

— Распори ворот рубахи и бери. Привратник нерешительно протянул руку.

— Ты что, меня связанного боишься, что ли? Смелее, заячья душа, — повторил Ибрагим.

Как видно, привратника обозлили эти слова. Он грубо дёрнул Ибрагима за ворот рубахи, достал шерсть чёрного дива. Вместе со стражником они удивлённо воззрились на

странный тёмный пучок, напоминавший сухую морскую траву, помяли его в пальцах, понюхали.

— Какой же это табак? — хмыкнул привратник.

— Говорю тебе, такой, какого ты в жизни не видывал. Попробуй — узнаешь!

— А вдруг это какой-нибудь дурман? — опасливо спросил стражник.

— На, закури сначала ты, — струсил и привратник. — Если чего, я подмогу позову.

— Нет, нет, чубук твой, ты и кури. Позвать подмогу и я сумею.

Привратник затолкал шерсть в свой чубук, осторожно закурил. Из чубука поднялся слабый дымок. Привратник затянулся сильнее, дым повалил клубами, и из него выросла с громовым хохотом грозная фигура чёрного дива.

— Сюда, сюда, — позвал Ибрагим.

Чёрный великан перешагнул через одереvenевших от ужаса визиревых слуг, лёгким рывком сорвал с петель тяжёлую дверь и мгновенно освободил Ибрагима от верёвок.

— Спасибо, друг. А теперь спрячь этих людишек подалее и уходи, не то всё дело испортишь, — приказал Ибрагим.

Див взял в охапку привратника со стражником — они оба не успели слова вымолвить и исчез. А Ибрагим, подхватив с земли папаху, побежал к своему дворцу, перенесённому сюда Ифритом по велению визиря. Он тихо вошёл внутрь, прокрался к покоям принцессы.

Через закрытую дверь слышалась печальная песня — это тихо пела Нурджахан, подыгрывая себе на сазе. На полу, привалившись к двери жирной спиной, сидел тол-

стый евнух и клевал носом. Чтобы не уснуть, он медленно двигал челюстями — жевал саказы, вязкую белую массу, похожую на резину. Сонные глаза то открывались широко и бессмысленно, то вновь закрывались, и евнух впадал в дремоту. На голове его, большой и круглой, как арбуз, покачивался огромный тюрбан с пышным султанчиком из конских волос.

Ибрагим осторожно выдернул длинный конский волос и сунул евнуху в открытый рот.

Полусонный евнух продолжал жевать, волос прилип к вязкой массе, и Ибрагим легко вытянул саказы изо рта евнуха. Лишённый дела, евнух мгновенно уснул.

Ибрагим отшвырнул саказы в сторону, достал у евнуха из кармана ключ, отпер дверь и легко перешагнул через повалившуюся набок сладко храпевшую тушу.

Он скользнул в комнату и остановился. Сердце его сжалось при виде опечаленной девушки, которая, казалось, ничего и никого не замечала вокруг. Нурджахан перестала петь и глубоко задумалась, отложив саз. Две слезы выкатились из её глаз и задрожали на длинных ресницах.

Вдруг принцесса заметила, что саз поднялся в воздух. Нурджахан застыла в изумлении: саз поплыл по комнате, а струны его дрогнули и зазвенели нежной мелодией.

Принцесса поднялась, чтобы кликнуть служанок, но тут у самого её уха прозвучало едва слышное:

— Тс-с...

Она всё равно вскрикнула от неожиданности. Ибрагим зажал ей рот рукой и снял папаху-невидимку.

— Кто ты — джинн? Или шайтан? — спросила поражённая принцесса, не веря своим глазам.

— Нет, дорогая, я — Ибрагим, — улыбнулся юноша. Они оба даже не услышали, как скрипнула за дверью половица — это проснувшийся от возгласа принцессы евнух прикинул глазом к замочной скважине.

— О Ибрагим, дорогой мой, я тебя так ждала! Взгляни. — Принцесса подвела Ибрагима к окну. — Видишь, дворец визиря скоро будет готов. Если бы ты не пришёл, я бы умерла...

Через железную решётку окна — её не было прежде в комнате принцессы — Ибрагим увидел громаду, поднимающуюся так высоко, что тяжёлая тень легла на дорожки сада, на деревья. В этой тени уже не сверкали так радостно и ясно стены чудесного дворца Ибрагима, украденного визирем. На мрачную громаду поднимались непрерывным потоком измождённые люди, стибавшиеся под тяжестью камней. Надсмотрщики ударами плетей подгоняли их. Ибрагим сжал кулаки в бессильном гневе.

— Что нам делать? — с тревогой спросила девушка.

— Скорее бежать отсюда.

Снова заскрипели половицы за дверью — это евнух, слышавший слова Ибрагима, поспешил к визирю.

— Как же мы убежим? — грустно спросила принцесса. — Визирь хвастался мне, что отнял у тебя чудесный перстень, в котором заключалось всё твоё могущество.

— О нет, я презирал бы себя, если бы счастье моё зависело от одного лишь перстня. Даже если никаких чудес на свете не будет, у меня всё равно останутся голова и руки и визирь будет меня бояться.

— Да, да, я знаю, — радостно подтвердила Нурджахан.

— А сейчас нам убежать совсем не трудно. — Ибрагим, смеясь, достал из-за пазухи волшебную свирель. — Смотри, стоит мне заиграть на ней...

Дверь с шумом распахнулась. На пороге стояли визирь и стражники. Жирный евнух в огромном тюрбане злорадно выглядывал из-за спины своего повелителя. Один из стражников бросился к Ибрагиму и вырвал свирель из его рук. Ибрагим схватился за папаху-невидимку.

— Не давайте ему надеть папаху! — крикнул визирь. Он рванулся вперёд, но наступил ногой на липкий сакыз и плюхнулся посреди двери, преградив дорогу остальным. Ибрагим успел надеть папаху и исчез.

— Несите скорее сеть! Заприте двери! — торопил визирь, сиюсь оторвать от пола прилипшую туфлю.

Два стражника бросились за сетью, остальные захлопнули и припёрли дверь.

— Не упустите его, всех прикажу казнить! — грозил визирь, а сам метался по комнате в одной туфле.

Прижавшаяся в углу принцесса растерянно следила за ним.

Вот два стражника через щель приоткрывшейся двери

пробрались в комнату, начали торопливо разматывать сеть.

— Быстрее, быстрее! — торопил визирь. — Растяните от стены до стены. Ступайте вперёд!

Сеть поползла по комнате, как огромная паутина. Внезапно в одном месте она дрогнула, заколыхалась...

— Попался! Попался! — ликовал визирь. — Закрутите его покрепче!

Просунув руку в отверстие сети, визирь нащупал голову пленника, сдёрнул папаху. Нурджахан увидела бившегося в сетях Ибрагима и кинулась ему на помощь. Визирь преградил ей дорогу.

— Где свирель? — спросил он у стражников.

Те передали ему отнятую у Ибрагима свирель. Визирь попробовал играть на ней, но слабые звуки, которые он извлёк из свирели, совсем не были похожи на музыку. Визирь подозвал евнуха. Тот подошёл, озираясь во все стороны и дрожа от страха. Визирь стянул тюрбан и вместо него надел евнуху на голову папаху Ибрагима. Евнух мгновенно исчез, громко икнув от неожиданности. Визирь снял папаху — евнух снова появился. Его жирные побарывшие щёки дрожали. Поражённые стражники переглядывались. Визирь, очень довольный, спрятал за пазуху свирель и папаху, подошёл к опутанному сетью Ибрагиму и остановился перед ним в надменной позе победителя.

— Мэ-э-э! — проблеял Ибрагим, просунул руку через сеть и дёрнул визира за козлиную бородку.

Визирь шархнулся в сторону и затопал ногами:

— В зиндан его! В темницу!

Стражники, грубо толкая, повели Ибрагима прочь из комнаты. Он едва переступал опутанными сетью ногами, но смотрел на своих врагов смело и насмешливо. В дверях он обернулся, кивнул головой плачущей Нурджахан.

А визирь кинулся в соседнюю комнату, остановился перед зеркалом и несколько минут с ненавистью созерцал свою козлиную бороду. Потом схватил кинжал и обрезал её решительно.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ,

из которого читатель поймёт, что в иных случаях даже грозный Ифрит бывает бессилён

Наступил новый день, и вновь, как вчера или позавчера, согнувшиеся под тяжестью камней узники с трудом поднимались по лесам, окружившим чудо-дворец визиря. Скорбно смотрела из своего заделанного крепкой решёткой окна юная принцесса. Теперь вместе с другими узниками по шатким доскам, согнувшись под тяжестью груза, брёл Ибрагим...

В комнату принцессы вошёл визирь. Принцесса слышала ненавистные шаги, но даже головы не повернула. Визирь задержался у окна, смотрел со злорадной улыбкой на изнурённых людей.

Впереди Ибрагима, едва переступая от усталости, шёл тяжело нагруженный юноша — это был Ганифа. Вот он покачнулся, камни на спине потянули его в сторону. Га-

нифа отчаянно замахал руками... Не подоспей Ибрагим, Ганифа неминуемо сорвался бы вниз.

Сильные руки Ибрагима удержали несчастного, и лишь камни, с грохотом ударяясь о доски, покатались вниз. Ибрагим помог ослабевшему Ганифе прислониться к стене, но в эту минуту тяжёлая плеть надсмотрщика обрушилась на обоих.

— Работать! Работать! — орал надсмотрщик, подкрепляя слова свои ударами плети. Визирь, посмеиваясь, наблюдал за происходившим.

— Не хочешь ли посмотреть на своего Ибрагима? — ехидно спросил он у принцессы, которая сидела, отвернувшись, в глубине комнаты. — Иди полюбуйся. И этот жалкий раб хотел помешать моей свадьбе!

— И помешает. Я знаю, он спасёт меня, — ответила принцесса, не поднимая головы.

— О да, спасёт! Если сам уцелеет, — ответил визирь. — Подойди же, полюбуйся на своего спасителя.

— Ты смеёшься над ним? — Нурджахан гневно и гордо подняла голову, и глаза её расширились от изумления.

Безбородое морщинистое лицо визиря стало ещё более страшным, чем всегда. Теперь в нём проявились особенно ясно и злобный нрав, и высокомерие, и коварство.

— Где же борода твоя, о визирь? — воскликнула принцесса. — Я вижу, тебя напугали насмешки Ибрагима.

— Это меня напугали? — злобно переспросил визирь, схватил принцессу за руку и грубо поднял с места.

— Да, напугали! — Принцесса с отвращением выдернула руку. — Ты боишься его даже пленного! Такова

судьба ваша, коварных и трусливых существ. Чем выше вы забираетесь, тем вам страшнее...

— Ах, вот ты как заговорила! Не он ли обучил тебя подобным речам? Так знай же, я проучу вас обоих гораздо раньше, чем ты думаешь.

Визирь надменно вскинул подбородок и надел на дрожавший от волнения палец волшебное кольцо Сулеймана. В комнате появился Ифрит.

— Слушаю твоих повелений, господин мой.

Визирь указал пальцем на мрачные стены недостроенного дворца:

— Именем Сулеймана ибн Давуда повелеваю немедля закончить эту царственную постройку!

— Будет исполнено, о господин!

Ифрит крадущимися шагами подошёл к окну, устремил раскалённые, будто угли, глаза на недостроенные стены и начал дуть на них. Щёки его то надувались, как бычьи пузыри, то опадали. С тёмной громады сперва исчезли работавшие люди, потом леса. Обтёсанные глыбы одна за другой опускались на стены. Со всех сторон сами по себе слетались оконные и дверные рамы, готовые потолки, купола... И вот уже перед глазами визиря предстал законченным громадный, но мрачный дворец, удивительно напоминавший о злобном и угрюмом нраве своего будущего владельца.

Визирь снял с пальца перстень, позволив Ифриту исчезнуть, а сам некоторое время со свирепым торжеством любовался дворцом. Наконец он подошёл к Нурджахан и властно объявил:

— Завтра состоится наша свадьба.

Скрестив руки на груди, он наблюдал, какое впечатление произведут слова его на принцессу, но девушка с презрением отвернулась. Визирь ожидал слёз, криков, мольбы, только не этого спокойного презрения. И он сам взмолился, потеряв всю свою торжественность:

—Первой шахиней мира тебя сделаю. Богатства всей страны будут у твоих ног... Осыплю тебя сказочными драгоценностями. Украшения супруги царя Сулеймана станут твоими...

—Сначала найди их, — насмешливо отозвалась принцесса.

—О, если только этого ты хочешь, то их долго искать не придётся! — И визирь снова надел на палец волшебный перстень.

Появившийся в комнате Ифрит низко склонился перед визирем. Вся фигура его выражала безмолвный вопрос.

—Именем Сулеймана мудрого повелеваю тебе перенести в мою казну сокровища, найденные Ибрагимом. А к ногам принцессы ты положишь украшения любимой жены Сулеймана.

Но это приказание неожиданно повергло Ифрита в трепет. Его тёмное, как сажа, лицо побелело, волосы поднялись дыбом. Весь съёжившись, он рухнул к ногам визиря:

—О господин мой! Горы могу нагромоздить одну на другую, могучие реки заставлю повернуть вспять. Могу отнять у вселенной солнце и окутать её вечным мраком! Но касаться сокровищ повелителя духов Сулеймана ибн Давуда я не властен. Нет, не властен! — пронзительно кричал

Ифрит, сжавшийся в жалкий, маленький комочек. Комочек этот с каждым мгновением уменьшался и наконец исчез, будто устыдившись полной своей беспомощности.

Визирь, потрясённый отказом Ифрита выполнить повеление, озадаченно смотрел на то место, где только что стояло удивительное существо. Смех принцессы заставил его вздрогнуть.

— Где же твои сокровища, о всемогущий? — насмешливо спрашивала Нурджахан. — Видно, не только над чужими сердцами ты не властен. Смотри же, берегись...

— Рано смеёшься! — сердито сказал визирь. — Ибрагим сам покажет мне дорогу к сокровищам.

И он вышел из комнаты принцессы с недоброй улыбкой на тёмном безбородом лице.

Не заходя к себе, визирь направился в мрачный каменный зиндан, подземелье, где годами томились несчастные узники и откуда большинству людей был лишь один выход — в могилу. Неведомый и невидимый аллах был, похоже, тайным союзником визиря, ибо никому ещё не помог выбраться живым из сырого, погружённого в полутьму зиндана.

Тут, среди влажных тесных стен, на которых висели устрашающие орудия пытки, лежал на полу в беспомощности измученный Ибрагим. Два мускулистых, обнажённых по пояс палача окатили его ушатом холодной воды, а когда он приоткрыл глаза, швырнули к ногам визиря.

— Что с тобой, мой друг? — спросил визирь елеиным голосом. — Мерзавцы, как вы посмели мучить этого человека! — воскликнул он, обращаясь к растерянным палачам.

Ибрагим наблюдал за визирем с удивлением. Он понимал, что жестокий властелин замыслил новые козни, и готовился дать ему отпор. Может быть, тот сейчас попросит, чтобы Ибрагим навсегда отказался от прекрасной принцессы? Нет, этого не будет. Одна лишь Нурджахан могла бы приказывать такое Ибрагиму...

Визирь же прохаживался в задумчивости среди орудий пыток и размышлял, что лучше: уговорить Ибрагима отдать ему, визирю, клад либо под пытками принудить. Визирь искоса глянул на лежавшего Ибрагима и решил вначале вести разговор так, как начал.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — спросил он тем же елейным голосом. — Тебе нужен свежий воздух, хорошая еда, иначе ты совсем ослабеешь. И ещё я хотел сказать: к чему тебе, простому

парню, сокровища Сулеймана? Что ты с ними станешь делать?

Ибрагим усмехнулся — теперь он понял, чего хочет от него визирь!

— В самом деле, зачем тебе такие богатства? — продолжал тот. — Укажи мне, где спрятан клад Сулеймана, и я тотчас отпущу тебя на свободу.

Ибрагим не ответил.

— Я могу сделать тебя самым именитым человеком в государстве. Ибрагим молчал.

— Хорошо, я отдаю тебе половину сокровищ, но о принцессе Нурджахан забудь.

При этих словах визиря Ибрагим вздрогнул, точно его огрели хлыстом. Он с усилием поднял голову, жестами показал палачам, что просит поднять его на ноги. Палачи подхватили его. Ибрагим рванулся вперёд и плюнул визирю прямо в лицо.

— Бейте его! — закричал визирь, прикрыв лицо руками. — Бейте, пытайте! Я приказываю!

...Низкое каменное подземелье было полно узников. Отсюда теперь каждый день уводили Ибрагима в страшную комнату пыток. Однажды в полночь с лязгом отворилась массивная железная дверь и два палача грубо столкнули вниз по ступеням Ибрагима. Несколько узников вовремя подхватили юношу, не дали ему удариться головой о каменные плиты. Палачи ушли. Узники заботливо уложили бесчувственного юношу на солому, подсунули под голову тряпье.

Ибрагим лежал безмолвно и неподвижно, его мокрое лицо с прилипшими ко лбу волосами было бледно, как воск.

— Третий раз бедняга возвращается едва живой, — сказал Ганифа, с состраданием вглядываясь в лицо Ибрагима. — Но сегодня они его совсем истерзали. Ещё один такой допрос, и мы больше не увидим нашего Ибрагима...

Узники заговорили, перебивая друг друга, и каждый вспоминал что-нибудь хорошее про Ибрагима. Главное — все помнили тот сказочный день, когда Ибрагим появился неведомо откуда у решётчатого окошка зиндана с целым подносом всякой снеди. Единственный раз узники смогли тут поесть досыта. И этот жизнерадостный, полный доброты и сочувствия к людям юноша на их глазах погибал от жестокости визиря.

Ганифа достал из угла кувшин с водой, поднёс к губам Ибрагима.

— Спасибо, друг, — отпив несколько глотков, слабым голосом произнёс Ибрагим.

— Чего требует от тебя этот изверг? — вмешался длиннолицый узник. Ибрагим удивлённо покосился на него: этого человека он видел впервые.

— Удивляюсь, брат, как ты можешь выносить такие пытки? — после недолгого молчания вновь заговорил длиннолицый.

— Что бы он со мной ни делал, развязать мне язык он не сумеет, — прикрыв глаза, произнёс Ибрагим.

— Иногда благоразумие подсказывает другое: во всём признаться, избавиться от мук да ещё вырвать кое-что себе в награду. Это умнее, чем бессмысленное упорство. Я вовсе не хочу тебя учить, но... Да что ты такое знаешь, что к тебе так привязались?

Ганифа давно уже делал длиннолицему знаки, чтобы он оставил Ибрагима в покое, но тот тянул своё:

— Поведай нам, облегчи душу, а мы тебе постараемся дать добрый совет. Ведь я старше тебя, больше повидал на своём веку...

— И выбрал благоразумие? — Ибрагим приподнялся на локте, испытующе посмотрел в глаза длиннолицему.

Длиннолицый невольно умолк, растерялся под этим пытливым взглядом.

— Так что же ты мне посоветуешь и что подсказывает твой опыт? — Ибрагим сурово сдвинул брови.

— Нет, нет, я ничего, — забормотал длиннолицый. — Просто сердце не выдерживает смотреть на твои муки... Кровью обливается...

Ибрагим опустил голову, снова закрыл глаза.

Когда в темнице, освещенной коптящим пламенем светильника, все уснули, Ибрагим поднял голову, внимательно посмотрел по сторонам. Он осторожно вытащил из-под соломы, на которой лежал, крохотный узелок — так, ненужную тряпочку — и спрятал в расщелине каменной стены. Расщелину Ибрагим заделал плоским камешком — их немало валялось на полу — и снова прилёг. Через несколько минут дыхание его стало мерным и глухим, как у крепко уснувшего человека.

Из другого конца темницы к Ибрагиму бесшумно подполз длиннолицый. Вынув спрятанный под рубахой кинжал, он выковырнул плоский камешек, достал узелок, запрятанный Ибрагимом. Он даже не заметил, что Ибрагим открыл глаза и спокойно наблюдает за ним. Длиннолицый поставил камешек на место и пополз обратно...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ,

в котором приняли участие верные друзья Ибрагима —
белый кот и белый пёс

Однажды днём перед воротами падишахских владений появились белый кот и белый пёс. Пёс протяжно лаял до тех пор, пока из ворот не вышел рассерженный привратник. Каково же было удивление привратника, когда пёс поднялся на задние лапы и несколько раз прошёлся, повиливая хвостом.

— Скорее сюда! Смотри, какой чудной пёс! — позвал привратник своего напарника. Пёс перекувырнулся через голову.

— Вот это здорово! А ну ещё разок! — приказал второй привратник.

Пёс будто понял — перекувырнулся два раза. Привратники, забыв обо всём на свете, хохотали и хлопали в ладоши. Вдруг пёс с громким рычанием кинулся на сидевшего поодаль кота. Кот зафыркал, взъерошил шерсть и шмыгнул прямо в открытые ворота.

Привратники, недовольные тем, что прервалось забавное представление, начали криками поощрять пса, а на кота и внимания не обратили.

Белому коту этого и надо было. Во всю прыть он бежал к знакомому дворцу, у которого один кирпич отливал золотом, а другой серебром. Безошибочно в этом

дворце кот нашёл коридор, ведущий к комнате принцессы.

У двери, как всегда, сидел жирный евнух, клевал носом и жевал саказ, чтобы не уснуть. Кот уселся напротив и уставился на евнуха неподвижными зрачками. Евнух пошевелился, открыл глаза, протёр их... Он попытался прикрикнуть на кота, прогнать, но кот не двинулся с места. Суеверный евнух задрожал от страха — ему показалось, будто зрачки кота увеличиваются в размерах, мерцают таинственными огнями. С пронзительным воплем евнух убежал. Кот замыкал, стал царапать дверь. Нурджахан открыла и сразу узнала Местана — кота Ибрагима и бабушки Фатьмы.

— Голубчик, как ты сюда попал? — обрадовалась она. — Милый мой Местан, хороший мой!

Она взяла кота на руки, стала нежно гладить, а кот громко и жалобно мяукал, ласкаясь к девушке.

— погоди, ты, наверно, голодный, — всполошилась Нурджахан.

На золотое блюдечко она положила несколько ложек плова, дала коту. Местан даже не взглянул на вкусную еду и продолжал мяукать.

— Бедное безъязыкое животное! Понимаю, ты ищешь Ибрагима, — догадалась Нурджахан. — Визирь бросил его в темницу, в страшный зиндан...

Кот высвободился из её рук, подбежал к двери, начал царапаться. Нурджахан достала из ларца горсть золотых монет, завернула в свой шёлковый платочек и привязала на шею коту. Погладила его ещё раз и отворила дверь...

Местан поспешил к зиндану. Это уж его дело, как он сумел понять принцессу: ведь животные понимают нас гораздо быстрее, чем нам кажется, и нередко лучше, чем мы их.

Но подойти близко к зиндану кот не решился, спрятался в кустах, потому что дорогу ему пересекли гремевшие оружием стражники в сопровождении мирзы-писаря.

Лязг тяжёлых засовов заставил узников встрепенуться. С оружием наготове, на случай сопротивления узников, по ступеням спускались стражники. Мирза с важным видом шагал впереди.

— Ганифа Омар-заде! — выкрикнул мирза, выйдя на середину темницы. Никто из узников не отозвался.

— Ганифа Омар-заде! — повторил мирза.

Снова никто не ответил, но Ибрагим, зорко следивший за длиннолицым, заметил, что тот едва заметно повёл головой в сторону Ганифы. По знаку мирзы стражники схватили юношу.

— Ты Ганифа? — спросил мирза.

— Да, — тихо ответил тот.

— Чей сын?

— Омара.

— Уведите.

Стражники, грубо толкая Ганифу в спину, увели его. Дверь захлопнулась.

— Скоро пятница — день публичных казней на площади, — глухо произнёс кто-то из узников. — А Ганифа ослабел, не может больше таскать камни...

— Ну-ка погляди. — Другой узник подставил Ибрагиму спину.

Ибрагим стал на его плечи, посмотрел в оконце. Стражники втокнули Ганифу в низкую дверь другого подземелья, где не было даже маленького окошка.

— Так и есть, эти злодеи бросили его в зиндан для смертников!

— Значит, в пятницу с восходом солнца бедняги не станет, — вздохнул длиннолицый.

— А тебе стало жаль того, кого ты выдал? — воскликнул Ибрагим. — Подлый предатель, такое-то ремесло ты выбрал, вооружившись благоразумием? Я давно понял, кто тебя к нам подослал.

Задыхаясь от гнева, Ибрагим двинулся на перепуганного длиннолицего. Тот с каждым шагом Ибрагима пятился назад, пока не коснулся спиной мокрой стенки. Он растерянно огляделся — со всех сторон на него смотрели враждебные лица, глаза узников горели ненавистью. Тогда длиннолицый выхватил свой кинжал и бросился на Ибрагима, но юноша ловко вышиб у него кинжал и бросил длиннолицего на каменные плиты. Поднялись со всех сторон кулаки, откуда-то появилась верёвка...

И тут дверь темницы вновь отворилась, а по ступеням стали спускаться стражники.

— Пошли с нами! — крикнули они длиннолицему и для виду стали грубо толкать его вперёд.

Узники взволнованно зашумели, кое-кому показалось, что и этого человека ожидает участь Ганифы. Но когда дверь уже готова была захлопнуться, длиннолицый обернулся, ехидно бросил Ибрагиму:

— Хотели удавить меня? Не удалось?

— Не мы, так другие это сделают! — крикнул Ибрагим, порываясь к двери.

Но она с грохотом затворилась. И уже с другой стороны до узников донеслась:

— Раньше все вы погибнете!

Чернобородый узник поднялся на плечи Ибрагиму и угрюмо сказал:

— Так и есть, они мирно беседуют. Это был переодетый стражник.

Люди помрачнели. Как ни плохо было им тут в темнице, оказывается, было и нечто худшее, чего каждый боялся. Теперь некоторые думали о том, что не нужно было так много рассказывать о себе или так часто и зло бранить визиря. Можно было догадаться, что визирь непременно подошёл к ним своего человека. Кто не боялся за себя, тот тревожился о судьбе близких: визирю ничего не стоило добраться до них.

— Из-за этого предателя визирь нас всех перевешает, — уныло произнёс один.

— Надо бежать, — сказал другой.

— Легко говорить, — возразил первый. — Попробуй уйти через железные двери, из-под носа у тюремщиков.

— Здесь оставаться — тоже смерть...

Ибрагим хотел вмешаться в спор, как вдруг через решётку маленького оконца прямо на плечо ему прыгнул белый кот. Юноша радостно прижал к груди своего любимца и заметил на его шее узелок. А когда развернул, узнал платочек Нурджахан, увидел золотые монеты.

— Спасибо, Нурджахан, — прошептал он тихо и обернулся к узникам, которые удивлённо переговаривались, не понимая, откуда здесь мог появиться кот.

Впрочем, кота уже не было. Приласкавшись к Ибрагим, он снова выскочил в оконце, будто не хотел мешать своему хозяину.

— Братья, — сказал Ибрагим, — у нас есть золото, с его помощью мы найдём способ вырваться отсюда.

— Подкупим нескольких тюремщиков, — предложил чернобородый.

— Не выйдет. Голова им дороже. Все они поплатятся головой, если темница опустеет.

— Отдай им золото и спасайся один, а мы уж...

Измощённый узник, сидевший у стены, с трудом перевёл дыхание, не договорил.

— Нет, — решительно возразил Ибрагим. — Я выйду отсюда только вместе с вами...

В ответ раздался радостный возглас чернобородого. Все удивлённо посмотрели в его сторону и увидели валявшийся у двери кинжал: это выронил длиннолицый, когда стражники грубо волокли его по ступеням.

Наступила ночь. В оконце зиндана синел уголок ночного неба с мерцающими звёздами. В подземелье было сыро и холодно, а южное небо дышало покоем и теплотой.

Ибрагим взобрался на плечи другому узнику, стал наблюдать за собравшимися у зиндана стражниками. По ночам темница охранялась особенно строго.

Стражники собрались под большим деревом. Двое, сидя на корточках на циновке, играли в нарды, остальные следили за игрой, громкими возгласами выражали своё

одобрение. Ибрагим приник лицом к решётке и запел. Всё было в этой бесконечной песне — и боль, и тоска по свободе, и минувшая радость, и обиды последних дней.

— Голосистый парень, — заговорили стражники.

— Да, этого бей не бей, а он, пока жив, всё поёт...

— Сегодня он как-то необычно поёт, слышите?

И стражник, игравший в нарды, замер с зажатými в руке костяшками.

— Ты прав, Ахмед, — восторженно подтвердил стражник, который стоял на посту у входа в зиндан. — Песня такая печальная, да и голос в самую душу проникает. За такое пение я на месте визиря освободил бы парня.

— Вот потому ты, Махмуд, и не стал визирем, а стоишь тут на посту. Простофиля ты был, простофиля и есть. Лучше выполняй-ка приказы и помалкивай. Этого парня приказано стеречь пуще всех.

Ахмед ещё прислушивался некоторое время к пению Ибрагима, потом со стуком бросил на доску костяшки.

Ибрагим допел песню и посмотрел вниз, на своих собратьев. Узники орудовали кинжалом длиннолицего — расшатывали и вынимали камни вокруг тяжёлой железной двери зиндана.

— Смелее, они ничего не слышат, — быстро сказал Ибрагим и, чтобы заглушить шум, запел ещё громче, ещё залиvistее.

Узники лихорадочно работали. На полу выросла груда камней, а массивная дверь шаталась во все стороны.

Стражники, ни о чём не подозревая, продолжали увлечённо играть в нарды. Махмуд расхаживал вдоль стены, иногда останавливался возле играющих и без-

участно следил за игрой. Вот он потянулся, сладко зевнул и, закинув назад голову, заметил на тёмно-синем звёздном небе полный диск луны.

— Эй, Ахмед, куда девается луна с приходом нового месяца, ты не знаешь? — спросил он.

— Эх, Махмуд, Махмуд, какой ты всё-таки невежда! Ребёнок и тот знает, что аллах всякий раз в конце месяца дробит луну на мелкие куски и расшвыривает по небу. Видишь, сколько там звёзд? — И Ахмед широким жестом обвёл небосвод.

— Ну да? — удивился простофиля Махмуд, тараща глаза на звёзды. — То-то я порой замечаю, что вроде бы тут или там вчера ничего не мерцало, а сегодня уже мерцает. А из чего же она, интересно, сделана, луна-то?

— Из чистого золота, — подморгнув приятелям, заявил Ахмед.

— Ай-я-яй! Сколько же его там без толку пораскидано! Вот бы послал аллах мне, бедняку с кучей детишек, парочку золотых...

Махмуд мечтательно и доверчиво поднял лицо к небу: похоже было, он и в самом деле просил у аллаха такой милости.

И тут до него донеслась новая песня узника. Ибрагим, который всё слышал, пел сейчас про то, как аллах предлагал ему с неба несколько золотых звёзд, но в тюрьме они вовсе ни к чему, а отдать некому.

Махмуд подошёл ближе, прислушался.

— Эй! — позвал он недоверчиво и насторожённо. — Что ты там плетёшь про золотые звёзды?

Ибрагим заговорщически поманил его пальцем.

— Подойди ближе, дело есть.

— Не велено разговаривать с узником.

— Как хочешь... Ты, я вижу, неплохой человек. И бедный. И мне хотелось тебе помочь. Махмуд сделал неуверенный шаг к оконцу.

— Ну что? — тихо спросил он.

— Хочешь, достану тебе парочку золотых с неба? — громко, чтобы слышали остальные стражники, предложил Ибрагим.

— Ну-ну, ты брось шутить, — сердито проворчал Махмуд и показал кулак.

— Нет, правда. Смотри! — Ибрагим, протянув руку через решётку, показал Махмуду пустую ладонь, затем взмахнул рукой в воздухе, тихо шепнул что-то, и на ладони его заблестела золотая монета.

Потом с криком «Лови!» он бросил монету к ногам ошеломлённого стражника. Раздался звон металла о камни: дзынь-нь!..

Махмуд упал на четвереньки, пополз с необычайной скоростью и подхватил катившуюся монету.

С торжеством он показал монету остальным стражникам и спрятал в рот, как в самое надёжное место. Стражники, не веря глазам, с завистью смотрели то на Махмуда, то на Ибрагима, то на небо, откуда, оказывается, могут сыпаться на человека такие сокровища.

— Верно говорят — дуракам счастье! — с досадой воскликнул Ахмед, глядя на сияющее лицо простофили Махмуда, который языком ощупывал во рту монету.

— Лови ещё! — крикнул Ибрагим, сделав рукой движение в воздухе, будто ловит муху, и кинул Махмуду вторую монету.

Тот снова пополз на четвереньках, спрятал за щеку и этот «осколок луны».

Теперь все стражники, как по сигналу, сорвались со своих мест, бросились к Ибрагиму с криками: «И мне!», «Мне тоже дай!», «Ради аллаха, и мне!»

— Держите, не жалко! — засмеялся Ибрагим и поймал сразу три «осколка».

Повертев монеты перед глазами режевших от жадности и возбуждения стражников, Ибрагим швырнул их как можно дальше, в глубину двора.

Дзынь-нь!.. Дзынь-нь!.. Дзынь-нь!..

Обезумевшие стражники, побросав оружие, ползали по двору вдоль и поперёк на четвереньках, отталкивали один другого, бранились во всё горло. Их крики разбудили хромого тюремного привратника, который дремал у две-

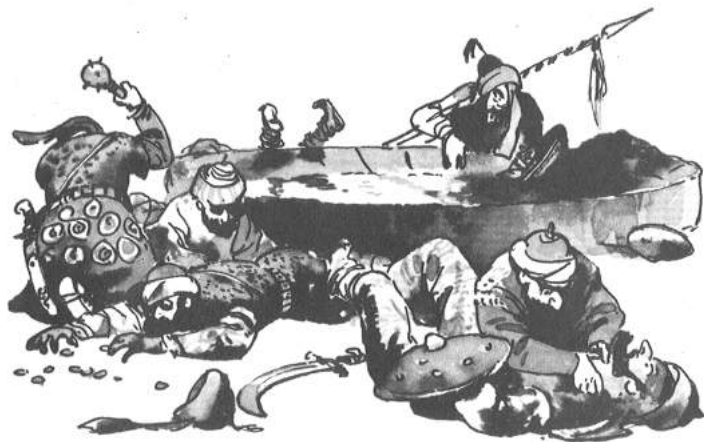

рей зиндана. Оставив на земле тяжёлую связку ключей, привратник, очертя голову, заковылял по двору в поисках золота.

Началась невообразимая потасовка. За золото стражники принимали каждый светившийся на тёмных плитах двора камешек, каждую стекляшку. Едва кто-нибудь добирался до золотой монеты, застрявшей в расщелине между плитами, как другие хватали его за ногу, а то и за обе, оттаскивали назад, ударяя лицом о камни.

— Пора! — крикнул Ибрагим узникам, разбиравшим стену. Он спрыгнул вниз и стал вместе с остальными расшатывать дверь зиндана.

Стражники иступлённо колотили друг друга, когда из подземелья выскользнула вереница теней. Узники выломали дверь, бесшумно пробежали по узкому тёмному коридору и теперь очутились во дворе темницы. Из-за угла Ибрагим швырнул оставшиеся монеты в самую гущу

свалки. Золотые брызги сверкнули в разные стороны от каменных плит, посыпались сверху на головы и спины стражников. Взревев от восторга, они, сшибая друг друга с ног, метнулись ловить монеты.

Узники осторожно проскользнули мимо орущей своры, прижимаясь к неосвещённой стене, незаметно миновали двор и в замешательстве остановились перед высокой стеной с массивной калиткой, обитой железом. Калитка была прочно заперта. Чернобородый узник с усмешкой вышел вперёд. В руках у него позвякивала связка ключей, брошенная тюремщиком.

— Какой ты догадливый, брат, — с облегчением сказал Ибрагим.

Чернобородый быстро отпер калитку, и узники вышли на свободу. Вслед за ними выскочил из калитки белый кот, неведомо где поджидавший Ибрагима. Обрадовано вилял хвостом пёс, просидевший всё это время за калиткой.

— Разве ты не с нами? — с тревогой спросил чернобородый узник. Он заметил, что Ибрагим взял на руки кота и остановился у калитки.

— Нет, друзья, прощайте, пошли вам аллах удачи. У меня остались тут разные дела. Да и надо же кому-то запереть за вами калитку.

Узники задержались, пытались уговорить Ибрагима. Но чернобородый остановил их:

— Не нужно. Этот парень всегда хорошо знает, что он делает. Да пошлёт и тебе аллах удачи, Ибрагим.

— Спасибо. До свидания, друзья!

Фигуры узников растаяли в темноте. Ибрагим что-то шепнул на ухо верному псу, а потом запер калитку, бросил на землю ключи и, перебежав двор, с котом на руках вошёл во дворец визиря.

В полутёмном коридоре он тихо подкрался к вооружённому нукеру, который охранял дверь спальни визиря. Чтобы отвлечь внимание нукера, Ибрагим послал вперёд кота. Кот подошёл к двери и жалобно замыкал.

— Брысь отсюда! — гаркнул нукер. — Разбудишь визиря!

Этого было достаточно Ибрагиму. Подкравшись сзади, он накинул нукеру на голову широкие полы его же собственного балахона. Не успел нукер опомниться или вскрикнуть, как был накрепко связан рукавами и полами своей одежды, а во рту у него торчал кляп из чалмы.

Визирь сладко спал, когда у изголовья роскошной тахты появился Ибрагим с котом на руках. Одежда визиря лежала рядом с тахтой на кресле. Ибрагим быстро обшарил карманы перстня не было. Визирь спал с открытым ртом, сильно всхрапывал и присвистывал. Заглянув ему в рот, Ибрагим заметил перстень, спрятанный под языком. Но как достать его? Ибрагим уныло задумался. Ведь и стоять вот так у изголовья спящего визиря долго нельзя.

Ибрагим и не заметил, что кот осторожно крадёт к тахте к самому лицу визиря. Вдруг визирь громко всхрапнул и пробудился от собственного храпа. Ибрагим мгновенно припал к полу, перестал дышать. Визирь приоткрыл сонные глаза, увидел возле себя неведомого кота, отшвырнул его с брезгливой гримасой на пол и вновь захрапел, вытянувшись на спине.

Услышав мерный храп визиря, Ибрагим приподнялся и обеими руками зажал себе рот, чтобы не рассмеяться: хитрый кот кончиком хвоста щекотал визирю ноздри. Визирь громко чихнул, перстень вылетел у него изо рта, упал на ковёр.

Ибрагим поднял перстень и сделал знак коту. Кот несколько раз ударил визиря по щеке лапой, и тот вскочил с постели, заметил Ибрагима...

— Одно слово, и я вызову Иффрита, — предупредил Ибрагим. — Прежде всего я прикажу ему удавить тебя твоим же собственным кушаком.

— погоди, не пугай, — холодно возразил визирь. — Хвала моему ювелиру, если такая лиса, как ты, попала на его подделку...

Из-под наклейки на груди визирь достал перстень, точно такой же, как у Ибрагима.

— Я знал, что ты придёшь, — продолжал визирь. — Не считай, что имеешь дело с глупцом или трусом. Будь я таков, я не достиг бы того, что теперь имею. Но мне нужно ещё больше, и ты мне мешаешь. Поэтому я ждал тебя, Ибрагим. А теперь попытайся вызвать своего Ифрита.

Ошеломлённый Ибрагим невольно надел фальшивое кольцо себе на палец. Ифрит не появлялся. Визирь засмеялся, довольный.

— Вот что, плут, теперь я сам призову Ифрита и с удовольствием одолжу ему свой кушак для твоей молодой шеи.

Глядя в глаза Ибрагиму, визирь медленно поднёс перстень к пальцу. Но в это мгновение на него стремительно прыгнул кот и лапой выбил перстень из рук.

Никто не увидел, как Ибрагим с котом на руках крался обратно из спальни визиря. Никто не заметил, куда они скрылись. Да и кому было замечать, если нукер, связанный по рукам и ногам, беспомощно лежал лицом к стене. Его спас тюремщик, вбежав с отчаянным воплем:

— У-убежали!.. Сам шайтан их увёл!.. Всех увёл!.. И тюремщик стал рвать на себе волосы.

В эту минуту он споткнулся о лежавшего нукера, нагнулся, вытащил у того кляп изо рта. К воплям тюремщика добавились крики нукера. Прибежали слуги и стража со свечами в руках. Некоторое время они переминались с ноги на ногу у двери в спальню визиря, не решаясь постучаться. Первым постучался нукер, за ним тюремщик. Потом все слуги стали бить кулаками — дверь не отворилась. Выбив её, толпа ввалилась в спальню. Визирь неподвижно лежал на тахте. Нукер нерешительно

приподнял одеяло и отступил в страхе. Налитые кровью глаза визиря сверкали яростной злобой. Визирь лежал запелёнатый в покрывала, как младенец. Рот визиря был заткнут концом чалмы, а тело перетянуто пёстрым кушаком.

Слуги поторопились развязать визиря. Он вскочил свирепый, похожий в своей длинной рубахе на безумца, бежавшего из дома умалишённых.

— Перстень! Принцесса! Догнать! Ибрагим! — неслись его бессвязные выкрики. Стража и слуги выбежали из комнаты. Так уж было тут принято, что на крик «Догнать!» стража мчалась опрометью, сама не ведая, в какую сторону и за кем.

Бежать и в самом деле было некуда. Между окном и восходящим солнцем что-то пролетело, подобно гигантской птице. Слуги, одевавшие разъярённого визиря, сам визирь, роскошная спальня — всё утонуло в полумраке. Визирь, понявший, в чём дело, отшвырнул слуг и в два прыжка очутился у окна. Он увидел, что по розовеющему от первых утренних лучей небу плавно уносится дворец Ибрагима. Ибрагим и Нурджахан стояли у окна. Они заметили визиря и помахали ему на прощанье. Принцесса держала в руках кота. Кот смотрел на визиря круглыми неподвижными глазами. Пёс, положив лапы на подоконник, лаял на визиря.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ,

которое повествует о том, что ум, смелость и ловкость
стоят не меньше волшебства

Солнце стояло высоко в небе, а бедняжка Нурджахан всё не могла проснуться. Сколько слёз пролила она долгими днями и ночами в плену у визиря! Только теперь, оказавшись в уютном дворике бабушки Фатьмы, девушка крепко спала в тени тутового дерева.

Бабушка Фатьма у изголовья веером нагоняла прохладу. У ног Нурджахан сидел Ибрагим. Добрые глаза бабушки с бесконечной нежностью смотрели на прекрасное лицо девушки. В глазах Ибрагима, полных любви и преданности, порой вспыхивала тревога. Он всё ещё не верил, что всё сложится хорошо и никто не отнимет у него любимую. Бабушка Фатьма обмахивала принцессу веером и не забывала поучать внука.

— Эх, Ибрагим, Ибрагим, до каких пор наша бедняжка будет жить в опасности? — озабоченно говорила она. — Неужто я сойду в могилу, не отпраздновав вашу свадьбу?..А всё из-за того, что ты связался с тем чёрным шайтаном.

Бабушка вздрогнула и поёжилась, вспомнив Ифрита. Потом продолжала:

— Не приведи аллах, не могу подумать о нём без содрогания. Какой же он мерзкий и безобразный! И этот дворец, и вся роскошь добыты его колдовством, срази его

аллах, а не твоим честным трудом. Значит, всё это в один миг может разлететься в прах. Есть мудрая пословица: «Без трудов праведных не построишь палат каменных...»

— Бабушка, пословица говорит иначе, — попытался возразить Ибрагим.

— Ты, кажется, забыл, кто из нас старше, — рассердилась старушка. — Твоё дело слушать и ума набираться. Моя пословица говорит так, а других я не знаю и знать не хочу. Раньше мы с тобой худо-бедно жили спокойно. Люди нас уважали. А теперь что? Соседи твой дворец стороной обходят, взглянуть боятся. При встрече, сколько раз я замечала, притворяются, будто не знают меня, а сами вслед шепчут: «Вон пошла колдуна Ибрагима бабушка». Тяжело, внук мой, ох как тяжело! Нельзя жить одиноко, без людей, без соседей. Послушайся меня — выкинь этот колдовской перстень.

— Верно ты говоришь, бабушка, — согласился Ибрагим. — Когда я нашёл клад, подумал: «Ну и заживу я теперь, как падишах, не зная ни горя, ни печали». Но горе и печаль увидел я и во дворце падишаха, а когда узнал поближе людей, понял, что один человек не смеет владеть таким сокровищем, потому что он всё равно не сможет облегчить людям горе и страдания. Тяжёлым трудом и кровью многих людей создано это богатство, так, наверно, и пользоваться им должны все люди... Смею ли я владеть им, если случайно на него натолкнулся?

Бабушка сияла от счастья и гордости. Только таким и хотела она видеть своего внука: честным, полным благородства и сострадания к людям.

Давно проснулась и Нурджахан, но лежала, прикрыв глаза, прислушивалась к словам Ибрагима и радовалась, что её избранник так непохож на коварного, злого визиря, на лукавых и алчных сановников, о чьих кознях она столько слышала у себя во дворце.

— Бабушка, успокойся, — говорил Ибрагим, заметивший слёзы на морщинистых щеках старушки. — Увидишь, всё будет хорошо. Я сегодня же выкину колдовской перстень. Пусть не попадёт он ни в чьи злые руки. Но опасно оставлять в руках врагов и свирель с папахой. Они используют волшебную силу во вред хорошим людям... Прости, моя дорогая, в последний раз я отправлюсь в столицу и в честном бою заставлю визиря ответить за страдания невинных, или пусть меня перестанут называть Ибрагимом!

Юноша поднялся во весь рост. Только сейчас бабушка заметила, как возмужал он за это время. У неё всегда были наготове поучения для любимого внука, но на этот раз она не решилась произнести их. Лишь прошептала с надеждой:

— Не смею тебя удерживать, Ибрагим. Но будь осмотрителен, дорога твоя полна опасностей.

Прежде чем уйти из дому, Ибрагим вышел на скалистый берег. Внизу бурлило и пенилось море, тяжёлые облака ползли по серому небу. Ибрагим поднялся на скалу, взглянул на бушующее море. Ветер развеивал его курчавые волосы, пытался столкнуть со скалы, но Ибрагим стоял твёрдо и уверенно. Он достал и швырнул перстень далеко в бегущие волны. Море разверзлось с оглушительным воем и грохотом. Из него поднялся огромный столб

воды с огнём и чёрным дымом, до Ибрагима донёлся нечеловеческий крик и скрежет зубов.

А вернувшись домой, Ибрагим увидел, что со смертью Ифрита наступил и конец его колдовству: волшебный дворец, у которого один камень отливал серебром, другой — золотом, бесследно исчез. Старая хижина бабушки Фатьмы с низкой растрёпанной крышей казалась теперь ещё ниже и беднее...

Но возле хижины ржал и бил о землю копытом гладкий вороной жеребец, купленный на деньги, взятые из сокровищницы. Ибрагим поблагодарил судьбу за счастливый подарок.

Вскоре Ибрагим держал на поводу осёдланного коня и прощался с Нурджахан. Она вышла провожать его, и теперь они стояли у поворота дороги, которая вела через лес и горы в столицу. Горячий конь нетерпеливо рыл копытом землю.

— Нурджахан, любовь моя, — ласково говорил Ибрагим, — ты видишь, я снова беден и буду жить в своей маленькой хижине. Хотя я и буду теперь долгие годы честно трудиться, как все простые люди, но не смогу нажать богатства. Решай, может быть, мне увезти тебя обратно, во дворец твоего отца? Трудно тебе тут будет, ведь ты привыкла...

— Привыкла к тебе и милой нашей бабушке. А к слезам нельзя привыкнуть, Ибрагим. Юноша хотел возразить, но принцесса с улыбкой зажала ему рот маленькой ладонью:

— Дорогой Ибрагим, что бы ни случилось с тобой — знай, я никогда не перестану любить тебя. Для меня ты все-

гда останешься самым смелым, самым честным и сильным, таким, каким я тебя увидела в первый раз. Ступай, милый, и да сопутствует тебе удача!..

На длинных ресницах девушки сверкали слёзы. Ибрагим благодарно поклонился ей и бабушке Фатьме, которая стояла с глиняным кувшином в руках.

— Да падут на меня твои беды, — повторяла она сквозь слёзы. — Пусть хранит тебя аллах, ты борешься за праведное дело...

— Будь спокойна, бабушка, визирь и без аллаха будет беречь меня как зеницу ока. Он всё надеется выведать, где хранятся сокровища Сулеймана, — засмеялся Ибрагим, чтобы казаться в минуту расставания весёлым и таким остаться в памяти близких.

Он вскочил на коня, пустил его галопом. Старушка, по обычаю, выплеснула вслед воду из кувшина — да смоеет она все беды и препятствия с пути дорогого внука.

Обе женщины со слезами на глазах долго стояли у дороги, а скачущий в отдалении всадник становился всё меньше и меньше, пока не превратился в маленькую точку, которая исчезла в вихре пыли.

Долго скакал Ибрагим, не давая отдыха ни себе, ни резвому коню. Скакал мимо цветущих полей, стоя ногами на спине коня, переходил вброд пенистую и быструю горную реку, скакал по снежным вершинам, откуда на города и селения обрушиваются снежные лавины и сползают грозные ледники.

Ночь Ибрагим провёл в лесу. Спрятался от грозы и непогоды в убогой хижине. Под навесом нашлась трава и для

коня. А едва наступило утро, после дождя особенно прозрачное и ясное, он вновь отправился в путь.

Всей грудью Ибрагим вдыхал прозрачный, чистый воздух, напоённый ароматом лесных трав и цветов, с удивлением разглядывая причудливые кустарники и деревья. Ночная гроза сбила с веток много лесных фруктов. Ибрагим спешил, собрал в хурджин, висевший через плечо, самые спелые. Потом он сел на коня и надкусил большую грушу... Голова у него закружилась, он свалился к ногам коня.

Испугался Ибрагим, хотел снова вскочить в седло, но седла коснулся не руками, а ногами. Что такое? Ибрагим попытался перекувырнуться, однако снова стал не на ноги, а на руки. Испуганный конь заржал, убежал в чащу леса.

Со стоном, вниз головой, привалился Ибрагим к дереву. Слезы досады полились у него из глаз, как вдруг сверху упало румяное яблоко. Соблазнительно легло в росистую траву у самого лица Ибрагима. Хотел он с досады отшвырнуть и яблоко, но вспомнил слова бабушки, что в яблоках заключена целебная сила.

Он с трудом поднял яблоко, надкусил и — о чудо! — мгновенно вскочил на ноги. Мысленно поблагодарив бабушку, чьи советы ему не однажды помогали в жизни,

Ибрагим отправился на поиски своего коня, но не нашёл его и снова неумоимо продолжал путь до самой ночи...

С наступлением темноты в лесу стало таинственно и страшно. Проснулись и подавали голоса ночные звери и птицы, каких днём и не услышишь.

Над самым ухом у Ибрагима вдруг резко закричала сова, ветки наверху раздвинулись, и с дерева прыгнул на Ибрагима человек. Они оба упали и покатались по земле.

— Куда идёшь и кто ты таков? — придавив Ибрагима к земле, грозно спросил незнакомец. Слабый свет луны, пробивающийся сквозь ветки, осветил густую чёрную бороду, сверкающие глаза.

— Э-э, друг почтенный, полегче, не то рёбра мне сломаешь! — засмеялся Ибрагим. Он узнал в незнакомце бывшего узника, вместе с которым убежал некогда из страшного зиндана.

Незнакомец внимательно взгляделся в лицо Ибрагима и с радостным возгласом помог ему подняться на ноги. Друзья обнялись.

— Что ты тут делаешь? — удивлённо спросил Ибрагим.

— Дозорный я сегодня, — сказал чернобородый. — Да ты ведь ничего про нас не знаешь! Бежать-то мы бежали, а вот домой вернуться не пришлось. Где там! Такую погоню за нами снарядили, что не у всех и близкие уцелели. А кто уцелел — бежал вместе с нами сюда, в лес. Место глухое, надёжное. Лес — лучшее прибежище для беглых. Тут мы и решили обосноваться. Сам знаешь, кто не в ладах с владыками, тому путь один — в разбойники. Но бедняков мы не обижаем, только тех, кто сам не прочь пограбить...

Бывший узник уверенно повёл Ибрагима через густой лес, единственное владение, где стража визиря не решалась рыскать.

Наконец в глубокой чаще замелькали огоньки костров, слышались людские голоса, лай собак. С трудом

пробравшись через лесную чащу, Ибрагим и его спутник вышли на большую поляну. Ибрагим узнал многих бывших узников визиря. Они встретили его радостными криками, усадили у костра.

— Значит, и ты не нашёл иного пути, кроме этого? — спросил худой человек с больными глазами.

— Нет, я иду в гости к визирю.

Слова эти были встречены недоверчивым молчанием.

— У нас остались кое-какие счёты, — шутливо пояснил Ибрагим.

— Ну ты, парень, не пропадёшь, — сказал чернобородый. — Кто в трудные минуты жизни умеет шутить, тому ничто не страшно.

— Было бы страшно, я бы оставался дома, — приосанился Ибрагим.

Как и всякому смертному, ему была приятна похвала. Он приглядывался к окружившим его людям — нет, не были они похожи на весёлых, удалых разбойников. Печать грусти и озабоченности лежала на лицах. Истощённые, усталые женщины готовили пищу на костре, дети, не спуская глаз, следили за их движениями, жадно вдыхали запах чурека и варёного мяса.

— Голодно тут у нас, — объяснил чернобородый, поймавший взгляд Ибрагима. — Когда начинаем делить еду, каждому достаётся лишь по крохотному кусочку. Да и как прокормиться стольким людям, если нужно скрываться, как дикому зверю...

Возле Ибрагима ползала по земле маленькая девочка, но не играла, а повторяла жалобно и тоненько:

— Мама, хлеба!.. Ма-ама, хле-ебца-а!..

Мать, сидевшая в тяжкой задумчивости, протянула худые руки, взяла девочку на колени:

— Потерпи, моя крошка. Скоро мы вернёмся домой, там будет много-много хлеба...

Тяжко вздохнул Ибрагим: чем он мог помочь этим несчастным? Вздохнул и пожалел про себя, что нет у него на пальце волшебного перстня. Однако не таков был Ибрагим, чтобы долго предаваться унынию. И он верил, что в пути человеку встречается всё-всё, чего он мог бы пожелать. Главное — самому быть зорким и находчивым, не упустить удачу.

А потому — в путь! На поиски счастливого случая, который пошлёт судьба, чтобы он смог помочь этим людям.

Счастливым случаем, на который надеялся Ибрагим, не заставил себя ждать.

В глубокой задумчивости Ибрагим шёл по дороге. Жаркое солнце припекало невыносимо.

Вдруг позади послышался цокот лошадиных копыт, и юношу нагнал всадник на породистом иноходце. Следом на поводу рысцей бежал навьюченный верблюд. Поравнявшись с Ибрагимом, всадник обдал его облаком пыли.

— Салам алейкум, — почтительно поздоровался Ибрагим, сходя с дороги.

— Салам, парень, — небрежно бросил всадник и придержал коня.

Некоторое время они молча двигались рядом. Но всадника заметно одолевало любопытство и желание поболтать, как это обычно бывает после долгого одинокого пути.

— Далеко путь держишь? — спросил он.

— Далеко, в столицу, — коротко ответил утомлённый Ибрагим.

— Ишь ты... А ведь я тоже. Ты по какому делу?

— Работу искать, — на всякий случай ответил Ибрагим, чтобы избавиться от дальнейших расспросов.

— Смотри ты! А какой ты хотел бы работы?

— Ну... может, подмастерьем.

— Вон оно что! А рука-то у тебя есть?

— А как же? — удивился Ибрагим. — Даже обе есть. У меня обе руки есть! — И он простодушно протянул вперёд свои сильные загорелые руки.

— О-хо-хо!.. — рассмеялся всадник, и всё его тучное тело так и заколыхалось в седле.

— Руки у тебя хороши, да только ничего ты ими не сделаешь, если... Я тебе про другое говорю: рука — это свой человек. Понимаешь?

— Откуда у меня там свой человек?

— Ну ничего, ничего. Что-нибудь придумаем, пока доберёмся...

Поравнявшись с тенистыми ивами, всадник спрыгнул на траву возле светлого журчащего ручейка.

— Эй, ты, сними-ка с верблюда вон тот хурджин! — властно приказал он Ибрагиму, а сам стреножил коня, снял с него удила.

Снимая хурджин, Ибрагим заинтересовался надписью, которая мелкой арабской вязью была вышита на его кромке. Кое-как, по складам, он разобрал её, пока нёс хурджин хозяину. Всадник отобрал хурджин, разостлал под деревом цветастую скатерть и стал выкладывать на неё чурек, сыр, жареную курицу, мясо...

Ибрагим оживился, подсел поближе в надежде как следует подкрепиться, но попутчик его жадно ел, вовсе не думая делить с кем-нибудь трапезу.

— Понимаешь, с самого утра в седле, — говорил он, с трудом ворочая языком. — Ни крошки во рту не было.

— Я тоже второй день ничего не ем, да ещё пешком шёл всё время. Даже под ложечкой сосёт.

Путник притворился, будто не понял намёка, и продолжал жадно жевать.

— Ты, парень, из каких краёв? — спросил он наконец, немного насытившись.

— Неужто вы меня до сих пор не узнали? Я нарочно молчал, думал: пускай ага сам припомнит, — лукаво улыбнулся Ибрагим.

— Откуда ты меня знаешь? — подозрительно спросил незнакомец.

— Вы ведь дядя Мешади Гуламгусейн из Фирузабада, верно?

— Да, я Мешади Гуламгусейн, но тебя я что-то не узнаю.

— Ну как же, дядя Мешади, мы соседи с вами!

— Так, так... — Незнакомец с недоверием стал разглядывать Ибрагима. — Что-то не припоминаю... Ну да ладно, ты-то ведь меня знаешь! Так вот скажи мне: куда ты направляешься?

— Работу искать, Мешади-ага, — вздохнул Ибрагим.

— Ого, работу! Думаешь, её так легко найти? Конечно, я могу тебе помочь как земляку. Ты ведь меня знаешь, я всё могу.

— Разумеется, Мешади-ага, — на всякий случай поддакнул Ибрагим.

— Ну кем ты хочешь работать? Хочешь, пристрою тебя нукером в караван-сарай? — спросил тот с набитым ртом.

— О, Мешади-ага, всю жизнь вашим должником буду!

— Зачем оставаться должником? Мы с тобой рассчитаемся. Будешь мне отдавать каждый месяц половину своего жалованья, только и всего. Аккуратно каждый месяц. Запомни: я люблю аккуратность. Такие, как ты, у меня в каждом городе есть. Чужим людям помогал, а ты всё же земляк. Понял? Будешь на хорошей работе. А за спасибо тебе никто ничего не сделает.

— Согласен, — сказал Ибрагим, поражённый алчностью этого человека.

Тот, наевшись, завернул остатки еды, убрал в расшитый хурджин и дал Ибрагиму отнести хурджин обратно к другим тюкам, навьюченным на верблюда.

По дороге Ибрагим насмешливо разглядывал причудливую вышивку на хурджине — её-то он и прочитал втихомолку с самого начала: «Сей хурджин принадлежит Мешади Гуламгусейну из Фирузабада».

— Ты, парень, можешь на меня положиться, — благодушествовал Мешади Гуламгусейн из Фирузабада, и жирное лицо его лоснилось после сытной еды; он пришёл в отличнейшее расположение духа, вытянулся во весь рост на траве.

— Я — важный купец, могу такое, чего никто не может. Вот сейчас в одном селе подать собрал продовольствием. Проклятые крестьяне всё в землю закопали, ну да меня не проведёшь! Селение вверх дном перевернул, семь шкур с них содрал. Меня сам главный визирь ценит.

— Главный визирь? — переспросил Ибрагим, невольно подавшись вперёд.

— Да, сам главный визирь, — хвастливо повторил тот, довольный эффектом своих слов. — Вот везу ему целый караван съестного. Как видишь, меня никто не проведёт.

— А если кто-нибудь проведёт? — лукаво спросил Ибрагим.

— Нет, такой человек ещё на свет не родился, — зевнув, ответил Мешади Гуламгусейн.

— Но где же ваш караван?

— Остался позади, скоро подоспеет. Говорю тебе, верблюд отбился, потом конь. Чужая скотина, не привыкла. Хорошо, ты подоспел, вот я тебе за это и помогу работу найти. Повезло тебе...

Купец, кажется, уже решил, что чуть ли не себе в убыток собирается оказать Ибрагиму благодеяние. Ибрагим только головой покачал в удивлении.

— Ты, парень, давно из Фирузабада? — спросил купец.

— Нет, совсем недавно, Мешади-ага, — откликнулся Ибрагим. Он возился возле верблюда: похоже, покрепче привязывал к седлу хурджин.

— Раз так, ты, наверно, знаешь, как там у меня дома? Как жена, дети? Я ведь давно уехал.

— О, у вас дома всё благополучно, Мешади-ага, если не считать, что на прошлой неделе сдохла ваша кошка!

— Отчего? — с любопытством приподнялся на локте Мешади Гуламгусейн.

— Она... она обьелась на поминках. Роскошные были поминки, такие бы каждому...

— Чьи поминки? — встревожился купец.

— Не могу вымолвить, Мешади-ага... Язык не поворачивается.

— Говори, чьи поминки? — Встревоженный купец вскочил на ноги.

— О Мешади-ага, да сохранил аллах вашу жизнь! Легко ли вынести такое известие!

— Чьи поминки, я тебя спрашиваю! — И Мешади-ага надвинулся на Ибрагима.

— Поминки... поминки вашей жены. Несколько дней назад эта почтенная женщина подарила жизнь свою аллаху.

— О аллах великий! — застонал Мешади-ага. — Отчего она умерла?

— Мешади-ага, не смею вымолвить. Пусть лучше отсохнет мой язык.

— Нет, пускай пока не сохнет. Говори!

— Она... она не перенесла смерти сына.

— Вай! Мой Абульфаз умер? — Путник в отчаянии ударил себя обоими кулаками по голове.

— Бедный Абульфаз, мы с ним так дружили... Вместе в чехарду играли, — начал всхлипывать Ибрагим. — Бедняжка, видно, так было угодно аллаху, остался под развалинами...

— Под какими развалинами?

— От землетрясения обрушился ваш дом.

— Как, и дом мой рухнул? — завопил Мешади-ага, хватаясь за голову.

Он подбежал к верблюду, который прилёт под деревом, попытался заставить его подняться. Но верблюд продолжал спокойно пережёвывать свою жвачку: подняться он не мог — Ибрагим спутал ему ноги. Мешади-ага кричал, дёргал его за узду, бил ногами, пока верблюд не потерял своё завидное терпение и не выплюнул в лицо ему всю свою жвачку.

Мешади-ага отскочил с проклятиями, утёрся рукавом и схватил за повод коня. На всём скаку он оглянулся, крикнул Ибрагиму:

— Оставайся тут! Скоро подойдёт караван, передай, чтобы ждали меня!

Проводив обманутого купца, Ибрагим развязал верблюду ноги. Вышитый хурджин он из предосторожности перевернул обратной стороной, чтобы уже никто не мог прочесть надпись.

— В добрый путь, Мешади-ага! — весело помахал он вслед, достал из хурджуна еду, расстелил дастархан и стал с аппетитом есть...

Позванивая колокольчиками на изогнутых шеях, по караванной тропе степенно шагали тридцать девять верблюдов, навьюченных тяжёлыми тюками. Впереди, на вороном коне гарцевал предводитель каравана. По обе стороны шла вооружённая стража. Остальные всадники замыкали шествие. А навстречу каравану, покачиваясь на сороковом верблюде, важно двигался Ибрагим.

Предводитель каравана издали заметил его и вглядывался, заслонив рукой глаза от солнца. Узнав верблюда, отбившегося от каравана, он поскакал вперёд, поравнялся с Ибрагимом и схватил верблюда за узду.

— Стой, плут! Как к тебе попал этот верблюд? Хозяин повсюду ищет его! А ну-ка слезай!

— Знаю, что ищет, — спокойно отозвался Ибрагим. — Мы его вместе отыскиали. Ведь ваш хозяин Мешади-ага Гуламгусейн из Фирузабада, верно? Да продлит аллах ему жизнь. Он только что расстался со мной, ускакал вперёд, а мне, новому слуге своему, велел ехать на этом верблюде вам навстречу и передать его приказание: пусть караван, не задерживаясь, идёт за ним вон по той дороге.

— Вот тебе на! А нам он велел устроить бивуак и ждать его у ручья под ивами! — в недоумении воскликнул предводитель каравана. — Странно, почему он выбрал ту дорогу? Ведь она ведёт в лес?

— Вот именно к лесу. Мой господин, пока искал верблюда, открыл через лес кратчайший путь в столицу и

ускакал вперёд, чтобы окончательно всё проверить. Я вас провожу к нему. Он мне объяснил, где будет дожидаться.

Подъехали остальные всадники, начали о чём-то совещаться, с сомнением поглядывая на Ибрагима.

— Вижу, вы не доверяете мне, — обиженно произнёс Ибрагим. — Оказывается, Мешади-ага был прав, когда говорил: «Ибрагим, мои люди могут тебе не поверить — покажи им этот фирман».

Он достал из кармана бумагу, найденную в хурджине, и подал предводителю каравана. Тот прочитал фирман, почтительно поцеловал его, приложил к глазам.

— Фирман главного визиря, выданный нашему господину на право торговли! — объяснил он громко остальным.

— Да, — важно поддержал Ибрагим. — Хозяин рассказывал, как визирь его уважает. А теперь, после того как он сумел отобрать у этих мошенников крестьян сорок верблюдов съестного...

— Ну, я вижу, ты не лжёшь, — успокоился предводитель каравана. — Ты и в самом деле слуга нашего господина.

И он дал команду всем двигаться прямо к лесу, по пути, указанному Ибрагимом.

В знакомом Ибрагиму уголке леса на дереве сидел дозорный и внимательно наблюдал за приближавшимся караваном. Криком совы он дал знать об этом другому дозорному, а тот, в свою очередь, третьему.

Караван проходил между деревьями, где в густой листве таились вооружённые люди. Ибрагим, ехавший бок о бок с предводителем каравана, чтобы отвлечь внимание

стражи, громко запел одну из своих любимых песен.

Стражники, сопровождавшие по обе стороны караван, заслушались. Но пение его услышали и бывшие узники визиря, зашевелились, стали переговариваться в кустах.

Улучив момент, Ибрагим подал знак притаившимся людям — он не сомневался, что его поймут.

— Ты чего размахиваешь руками? — спросил предводитель каравана, устремив подозрительный взгляд на юношу. — Куда ты всё-таки нас ведёшь? Не похоже, чтобы это была дорога к столице.

Ибрагим прервал песню, привстал на верблюде и протянул вперёд руку.

— Во-он туда веду. Видишь, там горит костёр нашего хозяина.

Предводитель каравана пригнулся, чтобы получше разглядеть костёр. Тогда Ибрагим бросился с верблюда прямо на него, крепко схватил его руками и вместе с ним покатился в кусты. Это было сигналом для дозорных. С пронзительными криками они стали прыгать с деревьев на ошеломлённых стражников и погонщиков.

Метались перепуганные кони. Ревели верблюды. С разбегу прыгали на крупы коней люди, выбежавшие из чащи.

В воздухе свистели арканы, падали наземь подхваченные ими всадники. В панике кричали растерявшиеся погонщики. По земле, вцепившись друг в друга, катались предводитель каравана и Ибрагим.

Мужественно сражались бывшие узники и вскоре захватили весь караван. Усевшись на коней и верблюдов, они с весёлым гиканьем погнались к своему лагерю верблюдов с поклажей, стражников и охранников со связанными руками.

Люди и не заметили, как исчез Ибрагим. На вороном коне предводителя каравана он мчался в сторону столицы, радуясь, что сумел помочь голодным, разорённым людям. Но сейчас он очень торопился: как мог он забыть про горькую участь несчастного Ганифы! Кончался четверг, и через несколько часов должна была наступить пятница, день устрашающих публичных казней на площади...

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ,

и последнее, после которого, возможно, в жизни Ибрагима никогда уже не произойдёт таких удивительных событий...

Неистово гремели огромные барабаны на главной площади столицы. Пронзительно звучали фанфары. Со всех сторон на площадь стекались люди.

На деревянное возвышение с виселицей посредине поднялся бледный Ганифа со связанными за спиной ру-

ками. Вслед за ним — рослый палач, одетый в красное с чёрным. Красное — чтобы никто не заметил на его одежде крови, чёрное — как напоминание о смерти, помощником которой был здесь, на эшафоте, этот не знающий жалости человек.

Волнение людей усилилось при виде измученного Ганифы. Многие увидели в нём своих сыновей и братьев, которых в любую минуту мог отнять и погубить визирь.

В адрес визиря посыпались проклятия. Стражники, держа пики поперёк, отесняли напирających людей. Палач набросил петлю на шею Ганифы.

— Ганифа, сын мой! — с рыданием бросился вперёд старик в траурной одежде, который некогда у дворцовых ворот уговаривал Ибрагима не садиться на камень для жёнихов.

Стражники оттолкнули старика назад.

— Возьмите меня! Убейте меня вместо сына! — умолял старик, хватаясь за острые пики.

И вдруг пронзительно просвистела стрела, перерезала верёвку, Ганифа свалился на помост, поднялся на одно колено и с недоумением, будто после долгого тяжёлого сна, огляделся вокруг.

На вороном коне прямо к эшафоту через толпу пробивался Ибрагим в одежде стражника, размахивая какой-то бумагой.

— Фирман от самого визиря! — кричал Ибрагим, и изумлённые люди молча расступались перед ним.

— По велению главного визиря казнь Ганифы Омарзаде отменяется, и он отпускается на волю! — важно объявил Ибрагим и протянул бумагу палачу.

Тот принял её почтительно, приложил к глазам, потом сделал вид, будто читает. К нему спешил сардар —

распорядитель казни, а Ибрагим, пользуясь общим замешательством, увлёк Ганифу с эшафота.

— Скорее, скорее! — повторял он, пробираясь вместе с Ганифой к своему коню. — Пока они не разобрались, в чём дело.

Ибрагим развязал Ганифе руки, усадил его на коня и велел мчаться к лесу, туда, где скрывались остальные беглецы.

Сбрасывая с себя одежду стражника, Ибрагим не обращал внимания на шум и крики, которые поднялись на площади. Он и так знал, о чём мог кричать обманутый сардар: ведь Ибрагим подсунил ему скреплённый печатями фирман визиря, выданный купцу Мешади Гуламгусейну из Фирузабада на право беспрепятственной торговли во владениях падишаха...

Пятница — не только день устрашающих народ казней, но и торговый день. Шумная и пёстрая базарная площадь была битком набита торговым людом. Среди рядов бродили калеки и нищие, собирая скудное подаяние. Ибрагим, пробираясь через толпу, вздрогнул, увидев перед собой высокого слепого старца с седой бородой и всклокоченными волосами, одетого в рубище. Ибрагим сразу узнал в нём несчастного старого падишаха, отца Нурджан-хан, и отшатнулся в ужасе. Пустые, ещё незажившие глазницы ослеплённого визирем падишаха были неподвижны. Он двигался неуверенной походкой недавно ослепшего человека, но губы его уже привычно повторяли:

— О добрые мусульмане, подайте слепцу ради аллаха милосердного...

Как вкопанный стоял Ибрагим, провожая взглядом этот страшный призрак. Лишь зычный голос прискакавшего на площадь глашатая заставил его очнуться.

— Эй, люди, наострите уши и слушайте! — на весь базар кричал глашатай. — Наш новый падишах, да сохранит аллах ему жизнь, тяжко занемог! Того, кто исцелит его, падишах щедро вознаградит!

Народ на площади пришёл в волнение. Послышались насмешки:

— Пусть скорее отправляется в ад, там его давно ждут.

— Это аллах наказал его за старого падишаха!

В глашатая полетели гнилые фрукты. Прикрываясь щитом, глашатай поскакал на другой конец площади, где повторил тот же клич...

Мрачно восседал в тронном зале дворца бывший визирь, жёлтый от неведомого недуга. На голове его теперь красовалась падишахская корона. Лекари угодливо сновали вокруг, жгли пахучие травы, сыпали в чаши какие-то снадобья, смешивали настои разных трав.

— О падишах вселенной, прими эти целебные лекарства, и ты скоро будешь здоров! Эти порошки натёрты из крыльев летучей мыши и копыт дикой свиньи, в них заключена чудодейственная сила, — вкрадчиво умолял один из лекарей, чуть не ползая у трона.

— Что? Копыта свиньи? Ты предлагаешь оскверниться мне, честному мусульманину, отведать свиное?! — зарычал визирь и ногой отшвырнул лекаря вместе с его порошками.

— О повелитель, выпей единым духом это снадобье, и ты вмиг поправишься. Оно приготовлено по-тибетски — из настойки горной мяты, муравьиной кислоты и молока ослицы...

Другой лекарь дрожащими от волнения руками накапал в чашечку мутную жидкость из склянки и протянул визирю.

— Единым духом? Ты хочешь, чтобы я и распробовать не успел твою отраву? Визирь ногой оттолкнул и этого лекаря. Слянка упала на пол и разбилась.

Остальные лекари в замешательстве отступили. В зале воцарилась тишина. В это время слуги почтительно ввели ещё одного лекаря. Судя по наружности, он прибыл из чужих заморских стран. На плечи его был накинута просторная плащ, разрисованный знаками эскулапа: чашей, которую обвила змея. На голове был высокий остроконечный колпак. Лицо украшали усы и длинная седая борода.

Новый лекарь спокойно и независимо приблизился к трону, не произнеся ни слова приветствия.

— Эй, почему ты не приветствуешь меня? — удивлённо вскинул брови визирь.

— Во дворце знаки почтения выражают из страха либо из корысти, я же не испытываю ни того, ни другого, о визирь!

— Не визирь, а падишах!

— Я Табиб-Табибан, врач врачей. Я пришёл лечить больного, и мне всё равно, кто он: визирь или падишах. Лучше поведай мне о своём недуге.

— Табиб-Табибан, врач врачей! — зашептались обрадованные лекари. Они слышали это имя впервые, но, как нередко бывает, важная осанка и смелые речи пришельца заставляли их верить каждому его слову. — Слава аллаху, он принесёт исцеление, и мы сохраним на плечах свои головы.

Табиб-Табибан заметил на полу разбитую склянку, поднял её, понюхал микстуру и неодобрительно покачал головой:

— О великий Логман, что за лекари пошли! Как готовят они свои зелья?

— У меня хорошее лекарство, — робко возразил лекарь, предлагавший визирю микстуру. — Это лекарство изготовлено по древним книгам.

— Не смей нас порочить, — вмешался лекарь, который лечил порошками из копыта дикой свиньи. — Мы все носим почётное звание придворных лекарей.

— Знаю, знаю, — отмахнулся пришелец. — Это звание стоит тысячу динаров, и только. Лекари загаддели, но визирь прикрикнул на них гневно и нетерпеливо.

— Эй, Табиб-Табибан... или как тебя там! — застонал он. — Что ты тут заводишь спор с этими бездельниками? Пришёл лечить, так лечи. И не спрашивай меня про мой недуг. Если ты врач врачей, то сам должен всё знать и видеть.

— Это верно, — важно отозвался Табиб-Табибан. — Я насквозь вижу любую болезнь. Сейчас я её отыщу, куда бы она ни запряталась.

Засучив рукава, новый лекарь приступил к делу: нащупал пульс, посмотрел на язык, так сдавил визирю живот, что тот только охнул.

— Э-эх... — покачал головой лекарь. — Плохи твои дела, аппетит у тебя разросся, наверно, караваны добра сожрал. Смотри, как бы не задушил он тебя.

— Что-о? — Визирь, не совсем понявший намёк, грозно сдвинул брови.

— Говорю, съел ты непомерно много, — уже другим тоном произнёс Табиб-Табибан.

— Болезнь такую я назвал. Очень страшная болезнь, немало таких, как ты, от неё переселились в другой мир. На, съешь-ка эту грушу, сразу почувствуешь себя здоровым.

И, вынув из кармана грушу, он протянул её визирю.

Коварный визирь, сделавший немало зла на своём веку, теперь постоянно боялся, чтобы его не отравили. Он опасливо покосился на грушу, но не взял её.

— О великий, тогда придётся прибегнуть к другому средству, — сказал Табиб-Табибан, достал из сумки громадную клистирную кружку и начал разматывать длинную трубку с наконечником.

— Ой, не надо! — испуганно закричал визирь, защищаясь руками, как от нападения. — Что угодно, только не это! За дни моей болезни проклятые лекари этой штукой весь жир с моих внутренностей смыли. Давай, давай твою грушу!

— Слава аллаху, что вразумил тебя. На, ешь, и сразу станет легче и веселее...

Визирь схватил грушу, надкусил её и, мгновенно перекувырнувшись в воздухе, встал на троне вверх ногами.

— Вай, что это со мной? Вай, помогите! — завопил он.

Придворные лекари подняли крик. Стража кинулась помогать визирю. А Ибрагим смотрел на дрыгавшего ногами визиря и заливался хохотом.

— Ну что я тебе говорил? Сразу стало веселее! — И новый лекарь сорвал фальшивые усы и бороду и заблеял.

Услышав ненавистное бляение своего врага, визирь пришёл в такую ярость, что забыл обо всём остальном.

— В зиндан его! Изжарить на раскалённых углях! — вопил он в то время, как стражники изо всех сил пытались поставить его на ноги. Это никак не удавалось, визирь то и дело поворачивался вниз головой, ударяя окружающих ногами по лицу.

— Я готов, — отозвался Ибрагим, снимая плащ, и остроконечную шапку. — Но ты, визирь, не так умён, как тебе кажется. Ведь если ты казнишь меня, придётся тебе до

самой смерти плясать вниз головой. Ни один человек на свете, кроме меня, не сумеет поставить тебя на ноги.

Эти слова привели визиря в иступление. Он стал бешено кувыркаться и прыгать, чтобы выпрямиться, но лишь потерял равновесие и свалился с трона. На полу он тоже оставался вниз головой и, дрыгая ногами, побежал на руках по тронному залу. Лекари и стражники толпой побежали за ним, но, не зная, как помочь и увёртываясь от ударов, лишь галдели да охали.

Наконец визирь устал и начал умолять Ибрагима:

— Прости меня, о Ибрагим! Я дам тебе столько золота, сколько весишь ты сам, поставь меня на ноги.

— Как ты расщедрился! — усмехнулся Ибрагим. — А где ты добыл это золото? Почему это ты распоряжаешься им? — И уже другим, властным тоном Ибрагим приказал: — Тотчас верни мне свирель и папаху!

Визирь не двинулся с места.

— Живо! — сказал Ибрагим.

— Зачем они тебе? Ведь у тебя будет золото...

— Вернёшь или нет?

— Папаха... у меня за пазухой. Ибрагим достал папаху.

— А свирель?

— Она... в кармане.

Ибрагим достал и свирель, а после подозвал одного из лекарей, боязливо наблюдавшего за этой сценой.

— Дай-ка ему съесть это яблоко.

Лекарь поднёс яблоко ко рту визиря. Визирь стиснул зубы и с мычанием отвернулся.

— Ешь, ешь! Твоё спасение только в этом! — прикрикнул Ибрагим.

Опасливо покосившись на яблоко, визирь зажмурился, откусил от него кусок и проглотил, не разжёвывая. Мгновенно таинственная сила перевернула его в воздухе, он побежал, подхватил по пути свою корону и уселся на троне.

— Ну-ка сойди с трона! — приказал Ибрагим.

Визирь и не пошевелился. Его злые, налитые кровью глаза забежали и остановились на стражниках.

— Взять его!..

Стражники со всех сторон стали наступать на Ибрагима. Визирь, скрестив руки на груди, торжествующе улыбался. Папаха-невидимка его не пугала: он уже знал, как можно поймать Ибрагима сетью. Что же касается свирели, визирь попросту не верил, что она на что-нибудь годна. Пытался же он сам играть на ней, но не выдул даже звука.

Ибрагим спокойно поднёс свирель к губам, раздалась весёлая плясовая. Тотчас ураганный ветер распахнул широкие окна, сорвал тяжёлые занавеси. Три брата-дива ворвались через окна в зал и стали так лихо отплясывать, что в одном месте треснула стена.

Неожиданное появление и страшный вид гигантов, рогами царапавших потолок, ввергло всех в невиданный страх. Стражники и лекари забились в разные углы. Ибрагим перестал играть, с поклоном возвратил дивам свирель и папаху.

— Спасибо, добрые дивы, храните эти чудесные вещи так, чтобы они никогда не попали в руки жестоким людям.

Потом Ибрагим подошёл к визирю, забравшемуся с перепугу с ногами на трон.

— Ты слишком жестоко относился к людям. И мне причинил немало зла. Ты мучил самого дорогого для меня человека — мою невесту. А что сделал с её отцом?..

Визирь, лихорадочно что-то замышлявший, неожиданно выхватил кривой кинжал и прыгнул на Ибрагима. Но юноша успел крепко стиснуть руку, занёсшую кинжал, стал с силой отгибать её назад. Визирь противился изо всех сил, пока рука его не коснулась горевшей на высокой подставке свечи. Взвыв от боли, визирь выронил кинжал. Ударом ноги Ибрагим отбросил кинжал далеко в сторону.

С удвоенной яростью визирь пошёл на Ибрагима. Отскочив, Ибрагим дёрнул узкую ковровую дорожку, по которой крадучись подбирался к нему визирь, и тот, потеряв равновесие, перекувырнулся через голову, растянулся на мраморном полу.

Дивы от восторга захлопали в ладоши и запрыгали, как дети на цирковом представлении. Криком и визгом встречали они каждую удачу Ибрагима. Младший из них подпрыгнул от восторга так высоко, что рога его застряли в потолке. Чёрный див еле стащил его на пол.

Взбешённый неудачами визирь схватил с пола свой кинжал и бросил в Ибрагима, целясь прямо в голову. Юноша пригнулся, и клинок, пролетев над его головой, вонзился в колонну. Визирь набрал в лёгкие воздух и опять двинулся на своего врага. Ибрагим подпрыгнул, уцепился за большой, свисавший с потолка канделябр и, раскачавшись на весу, с такой силой ударил визиря ногами в грудь, что тот навзничь свалился на пол.

С проклятиями визирь вскочил на ноги, подхватил брошенную кем-то из стражников секиру, замахнулся... Взвившаяся в воздух секира так и осталась в его руках, но зато рассекла туго натянутый позади канат. Заскрипели невидимые блоки, и под ногами визиря неожиданно раздвинулся скрытый под ковром люк. Не успев даже вскрик-

нуть, визирь вместе с ковром полетел в глубокую тайную яму.

Снизу донеслось яростное рычание. Ибрагим подбежал, глянул вниз. Яма была клеткой. На дне её дрались тигры...

Ничего больше не осталось у Ибрагима: ни колдовского перстня, ни свирели с папахой.

А сам Ибрагим бродил по окраине деревни, по распаханному полю, где некогда открылся ему волшебный клад Сулеймана.

Далеко во все стороны раздвинулось за это время поле. Много земли перепахали крестьяне и стёрли знаки, оставленные Ибрагимом. В какую сторону ни погляди — до самого горизонта тянулись ровные полосы свежевспаханной плодородной земли. Она снова надёжно скрывает сокровища древнего царя Сулеймана. Легко Ибрагим нашёл их, легко и потерял.

Но не о сокровищах думал он сейчас. Он пришёл на поле, которое отныне станет главным его богатством: ведь у Ибрагима теперь была большая семья — бабушка, юная Нурджахан, прекрасная, как принцесса, но такая же бедная, как и сам Ибрагим, и ещё старый слепой отец Нурджахан...

Ибрагим опустился на гребень глубокой тёмной борозды, взял в руку комковатую тучную землю, долго и задумчиво смотрел на него, разминая в потеплевшей ладони...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ, случавшееся с Ибрагимом на базаре, где он приобрёл неожиданного друга	5
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВТОРОЕ, которое едва не навлекло на Ибрагима неприятности	14
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРЕТЬЕ, с которого начинаются таинственные события, изменившие всю жизнь Ибрагима	27
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ, короткое, но очень напугавшее бабушку Фатьму.....	38
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЯТОЕ, из которого читатель сможет узнать, как Ибрагим отправился на поиски своей невесты	42
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ШЕСТОЕ, которое знакомит читателя с грозным и всесильным визирем.....	48
ПРИКЛЮЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ, которое привело Ибрагима к встрече с принцессой.....	52
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ВОСЬМОЕ, в которое вмешалась старая колдунья, похитившая принцессу.....	65

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕВЯТОЕ, из которого читатель поймёт, что даже обыкновенный человек может летать по воздуху и догнать своё счастье.....	73
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ, о схватке во дворце визиря, едва не стоившей жизни Ибрагиму.....	80
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ, из которого читатель поймёт, что в иных случаях даже грозный Ифрит бывает бессилён.....	88
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ, в котором приняли участие верные друзья Ибрагима — белый кот и белый пёс.....	97
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ, которое повествует о том, что ум, смелость и ловкость стоят не меньше волшебства	113
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ, и последнее, после которого, возможно, в жизни Ибрагима никогда уже не произойдёт таких удивительных событий... ..	131

Атакушиев Али Саттар
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИБРАГИМА

Ответственный редактор
Художественный редактор
Технические редакторы

Корректоры

Г. Р. Каримова
В. А. Горячева
Л. В. Гришина
И. П. Савенкова
Э. Н. Сизова и
К. П. Тягельская

Для младшего школьного возраста

Сдано в набор 19/III 1970 г.

Подписано к печати 15/X 1970 г. Формат 70X90'/i.

Печ. л. 7. Усл. печ. л. 8,19. Уч.-изд. л. 6,63

Тираж 100 000 экз. ТП 1970 № 379

Цена 68 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский полиграф-комбинат детской литературы
Росглаволиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия
Октября, 46. Заказ № 566.

Ответственные за выпуск:	Аслан Джафаров Шахла Камбарова
Редакторы:	Захира Дадашова Сакина Самедова
Дизайн:	Вафа Агамирзоева Эллада Сафаралиева

Подписано к печати: 20.06.2017
Формат: 60x84 1/16
Объем: 4.5 п.л.
Заказ 38
Тираж: 500

*При издании произведения были сохранены
все данные оригинала*

Баку-2017
“RENESSANS –A”